

ХРОНИКИ ГЛИТЧА - 1 СБОЙ

THREAT DETECTED
DETECTSCEED

Алекс Глад

Алекс Глад

Хроники Глитча - 1. Сбой

«Литнет»

2026

Глад А.

Хроники Глитча - 1. Сбой / А. Глад — «Литнет», 2026

Я Сандер. Профессия — ломать виртуальные миры. Последний баг оказался фатальным: вместо игры я упал в реальность, подчиняющуюся законам RPG. «Взгляд» висит перед глазами, показывая уровни и здоровье. Но здесь нет сохранений. Боль — настоящая. Смерть — окончательна. Чтобы выжить, я должен принять новые правила. Прокачивать навыки, добывая их кровью и потом. Найти союзников среди тех, кто выживает в этом аду. И добраться до легендарного «Сердца Бездны» — единственного шанса вернуться домой. Но система этого мира не прощает ошибок. А самые страшные монстры здесь — не твари, а люди, верящие, что такие, как я, — чума, которую нужно очистить. Я был тестировщиком. Теперь я — глитч в коде самой реальности. И я найду слабое место. Или сломаюсь.ПРОДОЛЖЕНИЕ ТУТ: АДАПТАЦИЯ -

Содержание

ГЛАВА 1 СБОЙ	5
ГЛАВА 2 БЕГСТВО	11
ГЛАВА 3: ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ	18
ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ КВЕСТ	25
ГЛАВА 5. ЦЕНА МЕТАЛЛА	32
ГЛАВА 6. РЕШЕНИЕ	39
ГЛАВА 7. ПОДГОТОВКА	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

ГЛАВА 1 СБОЙ

Запах озона въелся в пластик капсулы, в потёртую обивку нейрошлема, в воздух, который я вдыхаю последние три года. Сладковатый, металлический, привкус статики на языке. Знакомый до тошноты.

Потянулся — кости хрустнули вразнобой. Проклятая поза. «Кокон» модели «Ворон-3» создавали для скорости погружения, не для человеческого позвоночника. На мониторе плывёт последний чек-лист. «Бездна. Финальный сегмент. Патч 7.11. Цель: достичь Ядра и вызвать искусственный сбой для тестирования отката». Обычная рутина. Последняя рутина в этой смене.

Моё отражение в затемнённом стекле шлема — тень с впалыми щеками, синяки под глазами. Александр. Коллеги зовут Сандером. Проще. Безлико.

— Запуск протокола. Третий, последний дубль. Вход через пятнадцать секунд.

Голос звучит хрипло в гермошлеме. Палец на виртуальной кнопке. Лёгкий треск в наушниках — связь с диспетчером. Молчание. Они там, наверху, уже не ждут чуда. Просто ждут отметки в таблице: «Попытка №3. Результат: FAIL». Как предыдущие две. Как девяносто семь попыток других.

Пять секунд. Закрываю глаза, пытаюсь вызвать хоть каплю старого азарта, того щемящего предвкушения перед прыжком в неизвестное. Внутри пусто. Сухо. Остаётся только усталость, вбитая в кости, да кислый вкус кофе на губах.

— Три. Два. Один...

Нажимаю.

Сначала — стандартный толчок. Ощущение падения в пропасть, выворачивающее желудок. Вибрация кокона переходит в гул. Свет за веками сменяется с красного на глубокий синий, потом на черноту, прошитую бирюзовыми нитями кода. «Бездна» загружается. Автоматически отмечаю знакомые маркеры: дрожание текстур на периферии, задержку в 0.3 секунды при рендеринге дальних объектов. Старые, неисправленные баги. Музей глюков.

И вдруг всё останавливается.

Не просто зависает. Гул обрывается на высокой ноте, превращаясь в пронзительную, ледяную тишину. Цвета перед закрытыми веками не исчезают, а спрессовываются в одну белесую, мерцающую точку. Боль. Острая, яркая, будто иглу вогнули прямо в мозг. Ахаю, но не слышу собственного голоса. Только эту тишину, давящую на барабанные перепонки.

Мониторы в капсуле взрываются каскадом ошибок. Не привычные жёлтые и красные предупреждения, а хаотичные вспышки белого текста на чёрном, нечитаемые, обрушивающиеся водопадом. Пытаюсь дёрнуться, отключиться вручную — тело не слушается. Паралич, полный и всепоглощающий. Сквозь щель в шлеме вижу, как корпус «Ворона» вокруг начинает светиться изнутри — не ровным светом диодов, а болезненными, аритмичными вспышками, как предсмертная агония кибернетического зверя.

Паника приходит не криком, а леденящей волной, поднимающейся от онемевших пальцев ног к горлу. Это не похоже на глюк. Не похоже на лаг, вылет, критическую ошибку сервера. Это... поглощение.

Мысль не успевает оформиться. Белесая точка перед глазами взрывается.

Не светом. Отсутствием всего. Беззвучным, безвоздушным разрывом самой ткани того, что считал реальностью. Кокон, капсула, центр тестирования, собственное тело — всё оказывается картинкой на экране, которую кто-то рвёт с силой, отрывая слой за слоем.

Последнее, что чувствую, — не боль. Чувство бесконечного, неконтролируемого падения. Падения не вниз, а в сторону. В никуда.

И тишина.

Удар приходит со всех сторон. Воздух вырывает из лёгких. Меня не просто бросает — впечатывает в грунт. Боль пронзает спину, раскатывается тупым эхом по рёбрам. Лежу, не в силах пошевелиться, хватая ртом густой, странный воздух. Пахнет медью, озоном и сладковатой гнилью.

Заставляю себя открыть глаза и тут же замуриваюсь. Свет режет — яркий, ровный, без источника, будто само пространство светится. Открываю глаза щелочкой, вижу небо. Вернее, просвет в кронах. Цвет глубокий фиолетово-лиловый, как синяк. По нему плывут два маленьких солнца, желтоватых и тусклых.

Шея хрустит, поворачиваю голову. В метре от лица растёт что-то вроде папоротника. Его листья покрыты не росой, а густыми, жирными каплями, отливающими радугой, как бензин на луже. Одна капля скатывается, падает на руку. Кожа тут же ноет ледяным, химическим холодом.

Отдёргиваю руку, сажусь. Мир наклоняется, плывёт. Голова раскалывается. В ушах стоит гул — низкий, вибрирующий, будто где-то внизу работает гигантский, приглушённый генератор. Лес звучит не щебетом птиц, а стрекотом, скрипами, редкими щелчками, слишком правильными, чтобы быть природными.

Инстинкт тестировщика срабатывает раньше сознания. Нужна диагностика. Системный статус.

Мысленная команда: «Интерфейс. Статус. Вызови хоть что-нибудь, чёрт побери».

Перед глазами, прямо на фоне психоделических листьев, дёргаются зелёные строчки. Плывут, наезжают друг на друга, бьются в конвульсиях. Полураспавшийся шрифт, знакомый по старым терминалам.

[СИС... СБОЙ...]

[ДРАЙВ... КОРРУПЦИЯ...]

[РЕ... КАЛИБР...]

А в углу, сквозь помехи, читается:

[ЛОКАЦИЯ: ОПРОКИНУТЫЙ ЛЕС. ПЕРИМЕТР БЕЗДНЫ.]

Бездна. Слово бьёт, как молотком по наковальне. Это лор. Фон. Предыстория игры. Не игровая зона. Никто из тестировщиков туда не заходил, потому что туда нельзя было зайти. Там не было контента. Только легенды.

Значит, я не в игре. Или в той её части, куда не должен был попасть никогда. Паника снова пытается поднять голову, сжимает горло. Задавливаю её, вгоняю внутрь, глубоко, превращаю в холодный ком.

«Смотри на факты. Есть локация. Есть интерфейс. Значит, есть правила. Найди правила...»

Сгребая горсть земли. Она чёрная, липкая, усыпанная блестящими осколками, похожими на мелко расколотый кварц. И она вибрирует. Тот самый гул идёт от неё. Разжимаю пальцы, грунт медленно сползает с ладони, оставляет на коже тёмные, мерцающие полосы.

«Взгляд» стабилизируется. Полоски выстраиваются. НР — чуть больше половины. Жёлтая полоска стамина — почти на нуле. Серая шкала маны — пустая, с вопросительными знаками. Справа — короткий список навыков: «Анализ угроз (Новичок)», «Выживание (Новичок)». И статус, от которого зависаю: «Незнакомец для этого мира. Провалившийся».

Провалившийся. Так вот как система меня классифицирует. Не игрок. Не персонаж. А аномалия. Глюк.

В центре зрения всплывает новое окно, чистое, без помех и ошибок.

[Квест получен: Первые шаги в новом мире.]

[Цель: Найдите признаки разумной деятельности.]

[Награда: Опыт. Информация о местоположении.]

[Время: Не ограничено.]

Вижу эти строки, ощущаю, как внутри всё переворачивается. Страх никуда не делся. Но поверх него, тонкой, острой плёнкой, ложится азарт. Самый чёрный, самый циничный из всех возможных. Мне дали задачу. Цель. Это знакомая территория. Пусть цель — «не сдохнуть». Но это уже структура. Игра по правилам, пусть и написанным сумасшедшим.

Мысленно тянусь к уведомлению, пытаюсь свернуть его. Интерфейс реагирует с задержкой, окно дёргается, схлопывается в иконку в углу. Работает. Значит, можно взаимодействовать.

И действовать. Сидеть тут — сдохнешь от голода или от чего похуже. Упираюсь руками в землю, подаюсь вперёд, встаю. Ноги дрожат, но держат. Делаю шаг. Потом другой.

Каждый шаг отзывается болью в разбитой спине. Полоска стамины шевелится, уменьшается на волосок. Всё привязано к физике. Ресурсы — это не абстрактные цифры. Это мои настоящие силы.

Выбираю направление — туда, где деревья стоят реже. Просто чтобы двигаться. Чтобы не застыть на месте.

«Взгляд» подсвечивает путь, отмечая относительно ровные участки между корнями. Иду по этим зелёным меткам, как по мосткам через болото. Думаю. Нужно найти признаки разумной деятельности. То есть следы. Знаки. Огонь. Постройки. Мусор. Что угодно, что скажет: здесь был кто-то, кто не хотел просто жрать и размножаться.

Лес молчит, аккомпанируемый неприродным гулом земли. Иду, и странное чувство не покидает: если система выдала такой квест, значит, где-то рядом есть и то, что не входит в понятие «разумного». И оно, скорее всего, очень голодное.

Иду, считаю шаги, чтобы не сойти с ума от этого гула. Двести три. Двести четыре. Нога в очередной раз увязает по щиколотку в чёрной, холодной жиже. Не вода — что-то вязкое, пахнет ржавчиной и забродившим сахаром. Выдёргиваю сапог с чавкающим звуком. Стамина снова дёргается. Останавливаюсь, опираюсь о ствол. Кора под ладонью тёплая, почти живая.

«Взгляд» фиксирует: [Статус: утомление. Рекомендация: отдых.]

Отдых. Смешно. Отдыхать тут — всё равно что лечь спать в клетке со дремлющим тигром. Прислушиваюсь. Сквозь общий гул пробивается новый звук — не ритмичные щелчки, а беспорядочное журчание. Вода.

Двигаюсь на звук, обхожу бурелом. Мох под ногами сменяется жёсткой, колючей травой с синим отливом. Ещё десяток шагов — и выхожу к ручью.

Вода течёт не по камням, а по гладкому, отполированному желобу, словно из чёрного стекла. Сам ручей неестественно прозрачный, без единого пузырька. «Взгляд» выдаёт справку: [Водный поток. Состав: H₂O, следы кремния, теллура, неизвестного изотопа. Пригодно для употребления. Риск: низкий.]

Риск есть всегда. Но жажда сжимает горло сухой перчаткой. Снимаю рюкзак — лёгкий, почти пустой, стандартная экипировка тестера: термос, пачка сухпайка, аптечка, мультитул. Сухпак выглядит жалко на фоне этого сюрреалистичного пейзажа. Опускаюсь на колени, зачерпываю воду сложенными ладонями. Она обжигающе ледяная, чистая и абсолютно безвкусная. Ни намёка на металл или химию. Пью жадно, пока в животе не занывает от холода. Иконка жажды в интерфейсе гаснет.

Умываюсь. Холодная вода немного проясняет голову. Оглядываю противоположный берег. Там, среди таких же неестественно прямых стволов, лежит валун. Не просто камень. Он слишком правильной, сглаженной формы, как будто его отлили в форме овальной подушки. И на его боковой грани есть след.

Замираю, всматриваюсь. Это не царапина от падения. Это символ. Выбитый или выжженный. Стрела, направленная вниз по течению, и рядом — угловатая, незнакомая буква, похожая на перевёрнутую «А».

Перехожу ручей, перепрыгиваю с камня на камень. Холодная вода брызгает на брюки. Подхожу к валуну. Прикасаюсь к знаку. Камень шершавый, но символ — гладкий, будто его оплавили. «Взгляд» реагирует мгновенно.

[Метка обнаружена. Анализ...]

[Принадлежность: Нейтральные выжившие. Система опознавания: упрощённая руническая азбука «Знак».]

[Направление: Юго-восток (вниз по течению).]

[Свежесть: < 7 солнечных циклов.]

Выжившие. Значит, я не один. Не одни монстры. Люди. Или то, что здесь людьми или разумными называют. Нейтральные — это уже хорошо. Не враждебные.

Поднимаю глаза, смотрю в направлении указанном стрелой. Лес там стоит плотной стеной, но вдалеке, в разрыве между верхушками деревьев, висит слабый, почти прозрачный столб дыма. Не от пожара — тонкий, ровный, бытовой. Кто-то топит печь. Или плавит металл.

В тот же миг иконка квеста в углу зрения ярко вспыхивает, обновляется.

[Квест «Первые шаги в новом мире» обновлён.]

[Цель: Следуйте к ориентиру (дым).]

Вот так. Не просто абстрактная цель. Теперь есть точка на карте. Направление. Путь.

Чувствую не облегчение, а что-то другое. Сосредоточенность. Цель из туманной стала конкретной. Дойти до дыма. Увидеть, кто его создаёт. Не думать о том, что будет после, где я и что произошло.

Проверяю рюкзак. Сухпай на три приёма, если растянуть. Фляга с водой теперь полна. Аптечка. Мультитул. Больше ничего. Оружия нет. Только знания и сломанный интерфейс.

Снова смотрю на метку. Стрела указывает чётко. Нейтральные выжившие. Значит, есть шанс на диалог. На обмен. Может, на помощь.

Поворачиваюсь, начинаю двигаться вдоль ручья, держусь его левого берега. Теперь каждый шаг осмысленный. Я не блуждаю, а иду к цели. Лес от этого не становится дружелюбнее. Гул не стихает. Но внутри появляется стержень. Хрупкий, но уже твёрдый.

Прохожу не больше пятидесяти шагов, когда «Взгляд» выдаёт предупреждение. Не красное, а жёлтое, но от этого не менее тревожное.

[Обнаружены следы патрулирования. Тип: неидентифицированная фауна. Размер: средний. Количество: от 2 до 4 особей. Рекомендация: повысить бдительность.]

Останавливаюсь. Следы. На мягком грунте у воды отпечатались что-то вроде трёхпалых лап с глубокими царапинами от когтей. Идут поперёк моего пути, пересекают ручей, уходят вглубь леса. Свежие. Земля по краям ещё не успела просохнуть.

Значит, между мной и дымом есть не только путь. Есть и те, кто этот путь патрулирует.

Прижимаюсь спиной к стволу, затаиваю дыхание, слушаю. Гул, журчание воды. Ничего больше. Но теперь знаю — тишина обманчива.

Цель видна, но путь стал опасен. Идти нужно не просто осторожно. Идти нужно как вору. Или как добыче, которая не хочет стать обедом.

Сжимаю мультитул в кармане. Жалкое утешение. Но лучше, чем ничего.

Двигаюсь дальше, уже не по открытому берегу, а немного зайдя вглубь леса, держа ручей в поле зрения. Каждый шаг теперь расчёт. Куда поставить ногу. Где укрыться. Как не шуметь.

Дым на горизонте — мой маяк. И самая большая загадка. Кто там? И что подумают, увидев меня? Как отреагируют.

Иду, ставлю ногу с пятки на носок, как когда-то учили на редких вылазках в страйкбол. Смешно. Детская игра против этого места. Но принцип работает: получается тише. Каждые десять шагов останавливаюсь, замираю, пять секунд просто слушаю. Гул, шелчки, журчание ручья слева. Ничего нового. И от этого только страшнее.

Тело ноет. Рана на боку пульсирует глухой, навязчивой болью. «Взгляд» показывает: [Статус: поверхностное кровотечение (остановлено). Риск инфекции: низкий.] Низкий здесь, должно быть, означает «умрёшь не сразу, а через пару дней в муках». Достая из аптечки антисептическую салфетку в вакуумной упаковке. Рву её зубами, сую под куртку и рубаху, прижимаю к порезу. Холодный спиртовой взрыв заставляет скрипнуть зубами. Боль становится острой, чистой, почти приятной на фоне общей разбитости. Хотя бы что-то знакомое.

Двигаюсь уже больше часа. Дым на горизонте стал чуть чётче, но не ближе. Расстояния здесь обманчивы. Воздух, густой как сироп, искажает перспективу. Пью воду маленькими глотками, жую полоску энергетической пасты из сухпайка. Она безвкусная, как смазка, но голод отступает.

Именно в этот момент слышу его.

Шорох. Не тот, что издают листья под ветром. Целенаправленный. Шуршание по той самой синей колючей траве. И близко. Прямо за стеной папоротников слева.

Застываю на полушаге, затаив дыхание. Сердце тут же начинает колотить в рёбра, громко, предательски громко. Медленно, миллиметр за миллиметром, опускаю ногу на землю. Не поворачивая головы, кошу глаза в ту сторону.

Папоротники шевелятся. Что-то крупное пробирается сквозь них. Вижу только смутные тени, мелькание серого.

«Взгляд» молчит. Никаких меток. Значит, цель вне зоны прямой видимости. Или система глючит.

Шорох становится ближе. И разделяется. Их двое. Может, трое. Двигаются параллельно мне, в двадцати метрах, скрытые зарослями. Идут не спеша, с остановками. Охотничий патруль.

Мысль проносится холодной вспышкой: они идут по моему следу? Нет. Слишком осторожен. Или недостаточно. Они идут по своему маршруту. И наш маршрут вот-вот пересечётся.

Оглядываюсь. Впереди — редколесье, укрытий нет. Сзади — открытая поляна с той маслянистой лужей. Направо — завал из упавших стволов, покрытый синей, пульсирующей плесенью. Рискованно, но это хоть какое-то укрытие.

Пригибаюсь, делаю три быстрых, но тихих шага, ныряю в узкую щель между двумя стволами. Плесень пахнет сладкой гнилью. Её споры висят в воздухе сизой дымкой. Вжимаюсь в труху, стараюсь слиться с тенями. Отсюда открывается обзор только в одну сторону — туда, откуда пришёл.

Шорохи стихают. Они остановились.

Не дышу. Глаза режет от напряжения. В ушах стучит кровь.

И тогда один из них выходит на открытое пространство. Сквернолюд. Уровень 1. Но не один. С ним ещё двое таких же. Встают в неловких, угловатых позах, поднимают морды, нюхают воздух. Их пустые глаза скользят по поляне, по луже, по завалу.

Один, тот что побольше, поворачивает голову в мою сторону. Вжимаюсь ещё сильнее. Пальцы вцепляются в рыхлую древесину.

Он делает шаг. Потом ещё один. Идёт прямо ко мне.

Он не может меня видеть. Но чувствует? Слышит стук сердца?

Он уже в десяти метрах. Пять...

Мысленно лихорадочно пролистываю запись «Взгляда» о Сквернолюде. Слабости: чувствительность к яркому свету (дезориентация). Тактика: охотится стаями до трёх особей, ползает на слух и обоняние.

Не смогу драться сразу с троими. Даже с одним — шансы призрачные. Нужен свет. Яркий, ослепляющий.

И вдруг вспоминаю. По дороге сюда заметил кусты с ягодами, которые светились тусклым синим. И видел, как одна ягода упала и на секунду вспыхнула ярче, ударившись о камень.

Риск. Но другого выхода нет.

Большой Сквернолюд уже в трёх метрах. Он наклоняется, втягивает воздух с мерзким сопением.

Рывок.

Не вперёд, а в сторону, прочь из укрытия, к ближайшему кусту с теми ягодами. Моё движение такое резкое, что тварь вздрагивает, на мгновение застывает. Её сородичи шипят.

Влетаю в куст, сдираю кожу о шипы, хватаю горсть холодных, упругих ягод. Разворачиваюсь. Все трое уже мчатся ко мне, почти размытые серые пятна, а в глазах ярость и голод.

Швыряю горсть ягод перед их лапами, рву прочь, к ручью.

Позади раздаётся глухой, влажный хлопок. И сразу — визг. Пронзительный, полный боли и ярости. Оглядываюсь на бегу.

Там, где упали ягоды, бушует синее пламя. Бездымное, холодное. Оно лижет лапы Сквернолюдов. Они мечутся, как слепые, явно ослеплённые вспышкой, бьются друг о друга.

Не наблюдаю. Рану вдоль ручья, не разбирая дороги, спотыкаясь, чувствую, как полоска стамины стремительно тает. Боль в боку разгорается с новой силой. Но позади остаётся дикий визг, который постепенно стихает.

Бегу, пока в груди не начинает колоть, как ножами. Спотыкаюсь о корень, падаю на колени, у самой воды. Дышу, хватая воздух, который не хочет наполнять лёгкие. Сзади тихо. Только гул.

Отползаю под кучу камней, образовавшую подобие пещерки. Сердце бьёт как молот. «Взгляд» мигает красным предупреждением: [Крайнее истощение. Стамина: 2/19.] Почти ноль.

Но я жив. И оторвался.

Сижу, прижавшись спиной к холодному камню, дрожу. Не от страха. От выброса адреналина. От осознания: здесь нельзя ошибаться. Здесь нельзя быть медленным. Здесь даже слабый противник смертельно опасен, особенно если он в группе.

Смотрю на свои руки. Они в синих подтёках от ягод, кожа горит. Но они целы.

Дым на горизонте всё так же висит в воздухе. Цель не изменилась. Но теперь я прочувствовал цену пути до неё. И знаю, что заплатить её придётся кровью, болью и холодным расчётом.

Мне срочно нужно найти оружие. Не мультитул. Что-то настоящее. И научиться здесь жить. Не выживать от пяти минут до пяти часов, а жить.

Достаю сухпай, отламываю ещё кусок. Жую медленно, с ненавистью глядя на синеватый лес. Вкус пасты смешивается со вкусом страха и металла на языке.

Первый урок усвоен. Второй, чувствую, обойдётся куда дороже.

ГЛАВА 2 БЕГСТВО

Дрожь в руках не унимается. Сижу под нависающим камнем, втиснувшись в щель, наблюдаю за пальцами. Они сами сжимаются и разжимаются, будто отрабатывают хватку для несущего оружия. Сетчатку до сих пор прожигают синие пятна — отпечаток взорвавшихся ягод.

Адреналин ушёл. Оставил пустоту и разбитость. Каждая мышца ноет. Статус в «Взгляде» говорит всё без прикрас: [Крайнее истощение. Лёгкое обезвоживание. Незначительные химические ожоги.] И тлеющая красная иконка: [Стамина: 3/19]. Почти ноль.

Ноль — это смерть. Не убежишь. Не оттолкнёшься. Не ударишь.

Делаю глубокий вдох. В нос бьёт запах сырости, камня и собственного пота — едкий, животный, пахнет страхом. Думать. Анализировать. Я тестировщик, чёрт возьми. Моё оружие — голова, а не кулаки.

«Взгляд». Нужно изучить его досконально. Мысленно вызываю журнал. Сначала — журнал угроз. Запись всего одна.

[Запись №1: Сквернолюд-падальщик. Уровень: 1. Количество: 3. Тактика: групповая атака, окружение. Слабости: высокая чувствительность органов зрения к резким перепадам светового излучения в синем спектре. Рекомендация: избегать, использовать ослепление для отрыва.]

Синий спектр. Значит, ягоды — не просто биолюминесценция. Химическая вспышка. Высвобождает энергию при ударе. Хорошо. Значит, в этом мире есть ресурсы, которые можно использовать как инструменты, а не только как еду.

Вторая запись пуста. Система зафиксировала только прямую угрозу. То, что скрывалось в лесу, осталось незамеченным.

Переключаюсь на вкладку навыков. «Анализ угроз» всё ещё горит уровнем «Новичок». Но глядя на запись, понимаю — он дал тактику. Слабости. Это критически важно. Качать его нужно наблюдением. Фиксацией. Выживанием после столкновения.

«Выживание» тоже новичковый. Что он даёт? Чутьё на съедобное? Умение развести огонь? Пока неясно.

Закрываю интерфейс. Передо мной ручей. Вода. Сначала вода. Потом еда. Потом безопасное место для сна. Приоритеты выживания. Базовый курс из памятки по соревновательным вылазам. Теперь это — библия.

Допиваю остатки из фляги, снова наполняю её в ручье. Вода ледяная, чистая. Умываюсь, смывая пот и синюю слизь. Холод проясняет мысли.

Дым. Он всё ещё цель. Но идти к нему сейчас, с нулевой стаминой, по лесу, где рыщут стаи Сквернолюдов — самоубийство. Нужен отдых. Хотя бы час. Восстановить хоть что-то.

Осматриваю свою «пещерку». Каменный козырёк, с двух сторон прикрытый стволами упавших деревьев. С третьей — густой кустарник. Подход только от ручья. Не идеально, но лучше ничего. Натаскиваю сухих, ломких веток без плесени, сооружаю подобие заслона со стороны подхода. Не маскировку, а препятствие, которое с шумом упадёт, если кто-то полезет.

Делаю на автомате. Руки сами работают. Пока возился, «Взгляд» выдал едва заметное уведомление: [Навык «Выживание» улучшен до уровня 2.] Без опыта. Просто за действие. Прокачка идёт от практики. Неплохо.

Устраиваюсь поудобнее, прислонившись спиной к камню. Достая мультитул. Раскрываю самое длинное лезвие — сантиметров десять. Осматриваю. Сталь. Остро заточено. Для резки тросов, вскрытия коробок. Не для боя. Но это всё, что есть.

Начинаю методично точить лезвие о плоский камень. Скребущий звук сливается с гулом леса. В голове строятся планы. Нужно найти еду. Не ягоды, а что-то белковое. Изучить мест-

ность вокруг, не уходя далеко. Найти укрытие получше. И понять, как работает мир. Почему деревья с металлом? Почему земля вибрирует? Что за «Бездна» на периметре которой я нахожусь?

Каждый вопрос — гвоздь в крышку гроба старого мира. Ответов нет. Есть только правила, написанные в интерфейсе. Моя задача — выучить их, как слепой учится ходить по комнате, тыкая палкой.

Лезвие засверкало. Убираю инструмент. Глаза слипаются. Истощение берёт своё. Уснуть не могу. Не здесь. Но могу позволить себе полчаса полудрёмы, сохраняя слух настороже.

Закрываю глаза. Гул леса превращается в монотонный фон. Думаю о дыме. О людях. О том, что они могут оказаться страшнее Сквернолюдов.

Даже эта мысль лучше полной неизвестности. Враг, которого можно понять, лучше тупой, безликой угрозы.

Отдыхаю. Учусь не спать, а прислушиваться к каждому шороху за пределами укрытия. Это мой первый, жалкий, но всё же шаг к тому, чтобы перестать быть добычей.

Или хотя бы стать добычей помедленнее.

Солнце — то самое, двойное и жёлтое — сместилось по лиловому небу. Дрожь в руках ушла, сменившись тягучей, свинцовой усталостью. Но стамина в «Взгляде» медленно поползла вверх: [8/19]. Мало, чтобы бежать. Но достаточно, чтобы охотиться.

Слово «охота» вызывает картинки из игр: прицел, выстрел, боеприпасы. У меня ничего этого нет. Только нож, голод и необходимость.

Вылезаю из укрытия, растягиваю затекшие мышцы. Рана на боку ноет, но уже не кровоточит. Осматриваюсь. Лес живёт своей жизнью. Стрекот, щелчки. И, если прислушаться, лёгкое шуршание в траве.

Нацеливаю «Взгляд» на участок земли у ручья, где трава гуще. Система отзывается почти мгновенно, выделяя слабым контуром несколько мелких существ. Не Сквернолюды. Что-то меньшее.

[Железноспинка (молодая особь). Уровень: 0. Угроза: отсутствует. Примечание: источник белка. Мясо пригодно в пищу после термообработки.]

Ящерица. Размером с ладонь. Спинка отливает тусклым металлом, как старая жёсть. Сидит неподвижно, греясь на плоском камне.

Белка. Значит, можно есть. Значит, не умру от голода сегодня.

Проблема в том, чтобы поймать. Подкрадываюсь медленно, замирая после каждого шага. Она не шевелится. На расстоянии вытянутой руки замираю, оценивая расстояние. Рука дрогнула от напряжения. Рванул, чтобы накрыть ладонью.

Ящерица исчезла. Не побежала — метнулась в сторону с такой скоростью, что глаз не успел уследить. Шлёпаюсь ладонью по мокрому камню. Пусто.

Чёрт.

Осматриваю камень. На нём нет даже намёка, что тут кто-то был. Значит, скорость — её защита. Или камуфляж. Нужен другой подход.

Отхожу, сажусь на корточки, наблюдаю. Через пару минут другая железноспинка выползает из трещины. Двигается рывками, замирая надолго. Её защита — невидимость при неподвижности. Значит, атаковать нужно наверняка. С дистанции.

Оружия нет. Значит, нужно сделать.

Нахожу прямую, крепкую палку длиной в метр. Снимаю с ботинка шнурок — прочный синтетический трос. Из мультитула достаю лезвие. Минут пятнадцать работы — и лезвие примотано к концу палки смолистыми волокнами с соседнего дерева.

Руки не слушаются, просмоленные волокна липнут ко всему, кроме того, к чему нужно. Первая обмотка съезжает, как только пытаюсь её затянуть. Лезвие болтается на палке. Скре-

жещу зубами от бессилия. Начинаю заново, потратив ещё несколько минут на поиски густой смолы сочащейся из-под коры одного из деревьев. Её запах едкий и горький. Вязкая масса снова и снова прилипает к пальцам, но держит трос. Готовая конструкция получается кривой, ненадёжной, зато острой.

Возвращаюсь к ручью. Железнодорожка на месте. Приседаю, оцениваю дистанцию. Копьё в руке кажется чужим, непослушным. Я никогда ни в кого не метал копий. Только виртуальные дротики в аркадных играх.

Прицеливаюсь. Дышу ровно. Бросаю.

Бросок ужасен. Копьё улетает в сторону, ударяется о камень и с лязгом отскакивает в воду. Ящерица испаряется.

Сижу и смотрю на неудачу. Голод скручивает желудок в тугий узел. Злость, глупая и беспомощная, подкатывает к горлу. Встаю, подхожу к воде, вытаскиваю жалкое оружие. Лезвие от удара погнулось.

Тупик.

Или нет.

Смотрю на копьё, потом на лес. Нужно упростить. Не охотиться на быструю цель. Найти что-то медленнее. Или придумать ловушку.

На ловушки нет времени. Есть нужно сейчас.

Замечаю движение у кромки воды — не ящерицу. Что-то бурое, размером с крысу, с множеством коротких лап. Копытятся в иле, выискивая что-то. «Взгляд» выдаёт: [Илоед. Уровень: 0. Угроза: минимальная (может укусить). Мясо: условно-съедобное (требует длительной термической обработки).]

Медленное. Неповоротливое. И рядом с водой, где можно подкрасться.

Беру копьё уже не для броска. Как дубину. Подкрадываюсь сзади, пока тварь возится в грязи. Замахиваюсь и бью обухом лезвия по спине со всей силы.

Раздаётся глухой, влажный хруст. Существо дёргается и затихает. Стою над ним, сжимая дрожащими пальцами древко. В животе всё переворачивается. Это не игровой лут. Это убийство. Мелкое, грязное, необходимое.

Поднимаю тушку. Она тёплая, мягкая, из раздробленного панциря сочится бурая жидкость. Запах — тина и что-то кислое. Почти подавился рвотным позывом, но сглотнул. Пересилил.

Отношу добычу к укрытию. Развожу маленький, почти бездымный костер из сухих веточек, используя зажигалку с мультитула. Пламя жёлтое, обычное. Успокаивающее.

Разделяю тушку тем же лезвием. Внутренности выбрасываю в ручей. Мясо тёмное, волокнистое. Насаживаю на очищенную ветку, жарю над углями. Жир шипит, капая в огонь. Запах становится другим — резким, специфическим, но уже не отвратительным. Пахнет едой.

Когда мясо чернеет снаружи, снимаю с ветки. Обжигаю пальцы. Отламываю кусок, жую. Жёстко. Солоно. С привкусом тины и дыма. Но это еда. Настоящая.

Ем медленно, заставляя себя проглатывать каждый кусок. Голод отступает, сменяясь тяжестью в желудке. В углу зрения «Взгляд» выдаёт уведомление: [Навык «Выживание» улучшен до уровня 3. Получено: 5 XP.]

Опыт. За убийство. За еду. За то, что переступил через себя.

Смотрю на костёр, доедаю последние куски. Чувствую себя не победителем, а падальщиком. Таким же, как те Сквернолюды. Только более изощрённым. Они убивали когтями. Я убил палкой с гвоздём и съел жертву.

В этом своя правда. Я принял правила этого мира. Первое, самое главное: ешь, или тебя съедят.

И я выбрал есть.

Солнца-близнецы гаснут одно за другим, окрашивая небо в густые, ядовитые тона: сначала киноварь, потом мертвенный индиго. С наступлением темноты гул леса не стихает — он меняется. Низкая вибрация из глубин земли становится ощутимее, щелчки и стрекот смещаются в ультразвуковой диапазон, превращаясь в назойливый, сводящий с ума писк на грани слышимости.

Тушу костёр, тщательно разворачиваю угли, засыпаю влажным илом. Малейший свет станет маяком. Моё укрытие под каменным козырьком кажется жалкой норой. Натаскиваю больше веток, сооружаю подобие баррикады с единственного подступа. Не для обороны, для сигнализации. Упадёт с шумом — проснусь.

Если усну.

Стамина восстановилась до пятнадцати. Хватает, чтобы чувствовать себя человеком, а не разбитой куклой. Съедаю последний кусок мяса илоеда. Оно оставляет послевкусие пепла и тины. Жажда заставляет снова подползти к ручью, осторожно, как вору, и напиться прямо с ладони. Ночная вода ледяная, почти обжигающая.

Возвращаюсь в укрытие, прижимаюсь спиной к самому камню, кладу копьё-дубину на колени. Ночь опускается, плотная и живая. Безлунная. Но не тёмная. Грибы на стволах светятся тусклым зелёным и синим. Мхи флуоресцируют слабым серебряным светом. Красиво и безумно жутко. Весь лес превратился в гигантский, пульсирующий неоновый организм.

Сижу и слушаю. Через час начинают выть. Далеко. Звук не волчий — ниже, горловой, с металлическим подзвоном, как скрежет по листу жести. От него по спине бегут мурашки.

Закрываю глаза, но не сплю. Дремлю урывками, просыпаясь от каждого шороха, от каждого изменения в палитре ночного гула. «Взгляд» в темноте работает хуже — интерфейс мигает, строки расплываются. Видимо, система тоже нуждается в свете. Или в чём-то другом.

Поэтому почти пропускаю их. Два силуэта, выплывающих из-за деревьев. Идут не спеша, неторопливо, будто патрулируя территорию. Очертания сливаются с тенями, но светящиеся мхи выхватывают детали: кривые спины, длинные, болтающиеся руки, тяжёлые, шаркающие походки.

Сквернолюды. Но не те, утренние. Крупнее. Идут целенаправленно.

Замираю, вжимаясь в камень, стараюсь не дышать. Они в тридцати метрах, на противоположном берегу ручья. Двигаются вдоль воды. Прямо к моему укрытию.

«Взгляд», наконец, фокусируется. Выдаёт информацию с задержкой:

[Сквернолюд-падальщик. Уровень: 2.]

[Сквернолюд-падальщик. Уровень: 2.]

[Состояние: поиск добычи. Агрессия: высокая.]

Второй уровень. Всего на единицу больше, но в условиях реального мира эта единица может означать всё что угодно: большую силу, скорость, живучесть.

Останавливаются как раз напротив укрытия. Один наклоняется, тычется мордой в землю. Что-то унюхал. Мой след? Остатки костра? Запах мяса?

Второй поворачивает голову, уставляет пустые глазницы прямо через ручей, в мою сторону. Спина холодеет. Видеть меня он не может. Но смотрит. Чует.

Издаёт низкое, булькающее рычание. Его напарник поднимает голову.

Переходят ручей. Не спеша. Вода брызгает из-под когтистых лап. Расстояние сокращается. Двадцать метров. Пятнадцать.

Моя баррикада из веток — детская забава. Разнесут одним ударом.

Знакомая липкая паника лезет в горло. Сжимаю древко копья. Драться с двумя? С уровнем два? Самоубийство.

Нужен план. Лихорадочно вспоминаю. Слабость: яркий свет. Дезориентация. Светящихся ягод нет. Но есть огонь. Вернее, тлеющие угли под слоем ила.

И есть светящийся мох, который видел днём — тот, что фосфоресцирует. Растёт неподалёку, на старом пне. Если бросить в угли...

Риск. Огромный риск. Но другого выбора нет.

Сквернолюды в десяти метрах. Уже различают укрытие. Один щёлкает когтями по камню, приюхивается.

Отползаю глубже под козырёк, к тому месту, где тушил костёр. Руками, не глядя, начинаю быстро раскапывать ил. Пальцы натыкаются на тепло. Угли. Ещё живые. Выгребаю горсть, смешанную с землёй и пеплом. Горячо, но не обжигает.

Выглядываю. Они в пяти метрах. Один уже протягивает коготь, чтобы сгрести ветки баррикады.

Вскакиваю. Не для атаки. Рвусь в сторону, к пню со мхом. Движение резкое, неожиданное. Оба Сквернолюда вздрагивают, на мгновение застывают.

Добегаю до пня, хватаю крупный, холодный ком светящегося мха. Разворачиваюсь. Ближайшая тварь уже делает прыжок ко мне, её пасть распаивается в немом рыке.

Швыряю ком мха не в неё, а под её ноги, прямо на тлеющие угли, что выронил на бегу.

На долю секунды ничего. Потом мир вспыхивает.

Не взрывом. Ослепительной, бело-синей вспышкой, будто кто-то поджёг магниевую пашку. Свет физически болезненный, выжигает изображение на сетчатке. Зажмуриваюсь, отпрыгиваю назад.

Слышу визг. Не один — два пронзительных, полных боли и ярости звука. Приоткрываю глаза, вижу только цветные пятна. Два силуэта мечутся на месте, ослеплённые, сталкиваются друг с другом, рычат и царапают воздух.

Не жду. Бегу. Не к укрытию — прочь, вглубь леса, в противоположную от ручья сторону. Ноги подкашиваются, сердце колотится где-то в висках. Бегу, спотыкаясь о корни, не разбирая дороги, только прочь от этого места, от света, от визга.

Бегу, пока в груди не начинает рвать на части, пока «Взгляд» не замигает красным предупреждением об истощении. Тогда рухаю за очередной валун, в густую тень, и лежу, хватая ртом липкий, холодный воздух.

Сзади тихо. Свет погас. Визг стих.

Лежу и дрожу. Не от страха. От напряжения. От понимания, что снова выжил. Не силой. Не умением. Хитростью. Знанием.

Перевожу дух, медленно сажусь. Ночь вокруг снова просто ночь — густая, светящаяся, полная звуков. Но теперь я знаю, что ночь здесь принадлежит не мне. Она принадлежит им. И выжить в ней можно, только если думать быстрее и быть грязнее.

Смотрю на карту в «Взгляде». Отметка дыма всё ещё далеко. Но теперь между мной и ею лежит не просто дистанция. Лежит ночь. И в ней уже знают, что я здесь.

Нужно двигаться. Сейчас. Пока они не оправились и не пошли по следу.

Поднимаюсь на ноги, отряхиваюсь. Стомлен, но жив. Выбираю новое направление, в обход того места, откуда бежал. Иду. Не к спасению. К следующей точке в этой игре, где цена ошибки — не перезагрузка, а конец.

Иду всю оставшуюся ночь. Не бегу — иду, потому что бежать больше нет сил. Ноги двигаются на автомате, спотыкаясь о невидимые в полумраке корни. Глаза слипаются, но сон — роскошь, которую не могу себе позволить. Каждые несколько минут останавливаюсь, прислоняюсь к стволу и просто слушаю. Лес звучит по-прежнему: гул, писк, редкие далёкие выти. Ничего похожего на тяжёлое шарканье Сквернолюдов.

Светящиеся мхи и грибы становятся ориентирами. Освещают путь слабым, обманчивым светом, достаточным, чтобы не врезаться в деревья, но недостаточным, чтобы разглядеть что-то дальше пяти шагов. «Взгляд» в этой тьме работает через раз, выдавая расплывчатые предупреждения о рекалибровке.

Пью воду из скоплений росы на широких листьях, жую жёсткие, безвкусные стебли какой-то травы, которую система пометила как «условно-съедобную». Организм принимает это без энтузиазма, но протестует уже тише. Голод и жажда становятся фоновым состоянием, как эта вечная вибрация в земле.

Думаю о дыме. Он — мой единственный вектор в этом хаосе. Если там люди — что они из себя представляют? Другие «провалившиеся»? Аборигены, которые уже приспособились к этим правилам? Или что-то похуже?

Когда небо на востоке начинает светлеть, не солнцем, а ровным, безликим светом, понимаю — сбился с курса. Ручей остался где-то позади и слева. Иду по склону, поросшему редкими, корявыми деревьями с листьями, похожими на ржавое железо. В воздухе висит странная, электрическая свежесть, предвестник чего-то.

Выбираюсь на небольшую каменистую грядку, чтобы сориентироваться. И тут вижу его. Знак.

Вырезан на плоской поверхности скального выступа, смотрящего на долину внизу. Не стрела и руна, как у ручья. Это другой символ. Три пересекающиеся дуги, напоминающие стилизованный щит или вентиляционную решётку. А под ним — та же угловатая буква, что и на первом знаке, но перечёркнутая одной чертой.

«Взгляд» отзывается мгновенно, уже без помех в утреннем свете.

[Метка обнаружена. Анализ...]

[Принадлежность: Нейтральные выжившие (клановое обозначение: «Щит»)].

[Предупреждение: территория патрулируется. Риск нежелательного контакта: средний.]

[Информация: символ «перечёркнутой основы» указывает на покинутую или временную стоянку. Будьте осторожны.]

Покинутая стоянка. Значит, люди здесь были, но ушли. Почему? Опасались чего-то? Переселились?

Подхожу ближе, касаюсь пальцами выреза. Края острые, работа сделана металлическим инструментом, не когтями. На земле под скалой замечаю следы — не трёхпалые, а отпечатки подошв. Несколько пар. Разного размера. И рядом — несколько окурков самокруток из какого-то тёмного, волокнистого листа.

Поднимаю один. Он лёгкий, сухой. Пахнет табаком и чем-то горьким, лекарственным. Свежесть? Трудно сказать. Но пепел ещё не развеяло ветром полностью.

Значит, были здесь недавно. Возможно, несколько дней назад.

Осматриваюсь. С гряды открывается вид на долину. Лес внизу гуще, темнее. И там, почти точно по направлению, куда указывал первый знак у ручья, снова вижу дым. Теперь он ближе. Гораздо ближе. Тонкая, серая струйка, поднимающаяся из-за стен высоких, тёмных деревьев. Не из трубы. Из нескольких источников. Будто там не один костёр, а несколько.

«Щит». Патрули. Покинутая стоянка. И дым лагеря в долине.

Логика складывается в уродливую, но понятную картину. Эти «нейтральные выжившие» не сидят на одном месте. Перемещаются. У них свои маршруты, свои знаки. Та скала — наблюдательный пункт. А теперь их лагерь там, внизу.

Мой квест обновляется без всякого уведомления. Цель «следуйте к ориентиру» сменяется на «исследуйте источник дыма». Система подтверждает догадки.

Спускаюсь с гряды, снова углубляюсь в лес. Теперь иду не просто к абстрактной цели. Иду к людям. Со всеми вытекающими. Они могут помочь. Могут принять за своего. А могут увидеть угрозу, странного незнакомца в непонятной одежде, и прирезать у входа в лагерь.

Нужен план. Нельзя просто выйти к ним с поднятыми руками. Нужно наблюдать. Изучать. Понять их распорядок, охрану, настроение.

Двигаюсь медленно, используя каждый куст, каждое дерево как укрытие. «Взгляд» помогает, подсвечивая наиболее скрытные пути подхода. Навык «Скрытность», которого формально нет, начинает расти от самой практики — система то и дело выдаёт уведомления [Принципы маскировки применяются... эффективность повышается...].

Через час выхожу к опушке. За ней начинается расчищенная полоса, а дальше — частокол. Невысокий, кривой, собранный из заострённых стволов деревьев с металлическими прожилками. За частоколом виднеются крыши — не дома, а навесы, шалаши, прижатые к огромным, полузасыпанным землёй конструкциям из ржавого железа и арматуры. Это не поселение. Это свалка, превращённая в крепость.

Последний Приют. Название приходит само собой, и «Взгляд» тут же подхватывает, помечая локацию.

Залегаю в густой поросли у самой опушки, в пятидесяти метрах от ворот — грубого сооружения из скреплённых болтами металлических листов. У ворот стоят двое. Люди. В потрёпанной, многослойной одежде, с оружием в руках — не огнестрельным, а чем-то вроде алебард или длинных копий с самодельными наконечниками. Их лица скрыты капюшонами и шарфами, но по осанке видно — не спали уже долго. Они настороже.

Наблюдаю. Патруль у ворот сменяется каждые два часа. Смена проходит молча, кивками. Иногда кто-то изнутри приносит им что-то похожее на плоску с едой. Едят, не снимая масок, поворачиваясь спиной друг к другу, чтобы прикрывать сектор обзора.

Это не дружелюбные поселенцы. Это солдаты на передовой. И их передовая — весь этот мир.

У меня нет ничего, что может служить пропуском. Ни знаний, ни товаров, ни оружия. Только голод, жажда и история провала, в которую никто не поверит.

Но оставаться снаружи тоже нельзя. Ночь снова наступит. А в ночи патрулируют не только люди.

Вижу, как к воротам подходит группа из трёх человек с пустыми котомками за спиной. Охотники или собиратели. Что-то коротко говорят стражникам, те отодвигают тяжёлый засов, и группа скрывается внутри. Ворота захлопываются с глухим, окончательным звуком.

Значит, вход и выход возможен. По какому-то регламенту.

Мне нужно попасть внутрь. Не как просителю. Как тому, кто может быть полезен. Но для этого нужно понять, что здесь ценят. Или дожидаться момента, когда бдительность ослабнет.

Отползаю от опушки, нахожу более глухое место, густо заросшее колючим кустарником, устраиваю новое временное укрытие. Отсюда могу наблюдать за воротами в бинокль, которого у меня нет. Приходится полагаться на зрение и «Взгляд», который в режиме наблюдения даёт небольшое увеличение.

Достаю последний кусок сухпайка, разрываю упаковку. Есть нужно понемногу, растягивая. Жую безвкусную массу и смотрю на дым, поднимающийся над частоколом. Там еда. Там безопасность. Там ответы.

И туда мне предстоит попасть. Хитростью, силой или удачей. Но попасть.

ГЛАВА 3: ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

Провёл в кустах до самого вечера. Солнца-близнецы скатились за горизонт, небо затянулось лилово-сизым маревом. Промок до костей от вечной влажности, мышцы одеревенели от неудобной позы, но не шевелился. Наблюдал.

За день многое понял про «Последний Приют». Ворота открывались пять раз: трижды для небольших групп, возвращавшихся с добычей — несли связанные связки корней, шкуры, один раз волокли тушу чего-то, напоминавшего оленя, но с шестью ногами. Дважды выходили наружу — отряд из четырёх человек с оружием и пустыми рюкзаками и двое подростков с ведрами за водой к ручью.

Дисциплина. Чёткий распорядок. Никакой суеты. Никаких лишних звуков. Казалось, разговаривали приглушённо, экономя звук, как драгоценный ресурс. Это не община. Гарнизон осаждённой крепости, где каждый знал своё место.

Их экипировка — сборная солянка. Кожаные и тканевые лохмотья, поверх — куски ржавых пластин от старых машин, нашитые на жилеты. Оружие — алебарды, луки, несколько кривых сабель. Ничего, напоминающего высокие технологии. Зато у каждого на поясе висели незнакомые предметы: плоские коробочки, связки костяных безделушек, амулеты из полированного камня с вырезанными рунами. Магия? Или просто суеверия?

Моя собственная экипировка — городская куртка, походные брюки, рюкзак с логотипом компании — смотрелась здесь как космический скафандр. Чужеродно. Подозрительно.

Ждал, когда сменится вечерняя стража. Днём охрана состояла из двух человек, вечером к ним добавлялся третий. В сумерках бдительность должна притупляться — усталость, смена циклов. Подполз ближе, использовал каждую складку местности. Сто метров. Пятьдесят.

Тридцать метров от ворот замер. Доносился приглушённый разговор.

— ...ничего. Тише, чем вчера. Стая откочевала к Старым Трубам.

— Гномар говорил, шумы в восточном секторе учащаются. Завтра проверю.

Гномар. Знакомое имя из плана. Значит, информация верна.

— Лира ещё не вернулась? — спросил третий, самый молодой по голосу.

— Нет. Но её срок истёк. Если не к полуночи — значит, проблемы.

Лира. Второе ключевое имя. Значит, она снаружи. На задании. Её задержка — проблема.

Это мой шанс. Если не вернётся, могут организовать поисковую группу. Или усилят охрану. Нужно действовать сейчас. Но как? Подойти и постучаться? Примут за того, кто подкрадывался к стенам. Стрела в грудь будет самым логичным ответом.

Нужна демонстрация. Демонстрация безобидности и... полезности. У меня нет товаров. Но есть информация. Один из стражников говорил про «шумы». А я только что провёл ночь и день в этом лесу и кое-что заметил.

Отполз назад, к опушке, нашёл длинную, прямую палку. Снял с себя куртку — яркую, синюю, технологичную. Повязал её на палку, как флаг. Белый флаг был бы идеален, но синий — лучше, чем ничего. Это знак. Не оружия, а переговоров.

Глубоко вдыхаю, шагаю из-за деревьев на расчищенную полосу перед стеной. Иду медленно, держу палку с курткой над головой в одной руке, вторую руку — открытой ладонью вперёд.

Замечают почти сразу. Разговор у ворот обрывается. Трое стражников разворачиваются ко мне, оружие в руках меняет положение из «отдыха» в «готовность». Вижу, как на стене над воротами шевелится тень — там ещё один, лучник.

— Стой! — кричит один из стражников, мужчина с хриплым голосом. — Брось палку! Руки за голову!

Останавливаюсь в двадцати метрах. Бросаю палку с курткой на землю. Медленно поднимаю руки за голову. Сердце колотится так, что, кажется, его слышно.

— Я не враг! — кричу, стараюсь, чтобы голос не дрогнул. — Я заблудился. Ищу убежища. У меня есть информация!

— Информация? — тот же стражник насмешливо фыркает. — Откуда такой взялся? В такой одежке?

— Я... не отсюда. Я провалился.

Тишина повисает тяжёлым, свинцовым одеялом. Трое стражников переглядываются. Даже лучник на стене, как кажется, наклоняется вперёд.

— Провалился? — голос стражника теряет насмешку, становится острым, как лезвие. — Подойди ближе. Медленно.

Делаю несколько шагов. На расстоянии десяти метров могу разглядеть их лица под капюшонами. Усталые, обветренные, с жёсткими, недоверчивыми глазами. Смотрят на меня, как на диовинного зверя.

— Остановись. Что за информация? — спрашивает стражник, явно старший.

— Про шумы. В восточном секторе. Слышал, как вы говорили. Я ночевал там, в лесу, в двух километрах отсюда. Там не просто шумы. Там стая Сквернолюдов. Не обычных. Крупнее. С ними что-то вроде вожака. Он светился. Слабо, красным.

Лгу. Не видел никакого вожака. Но слышал ночью тот горловой вой с металлическим подзвоном. И это правда. А красное свечение... Почему нет? В этом мире всё может светиться.

Стражники снова переглядываются. Старший что-то негромко говорит другому, и тот быстро скрывается за воротами.

— Жди. Не двигайся.

Стою, подняв руки, чувствую, как немеют пальцы. Проходит, наверное, пять минут. Потом ворота скрипят, отъезжают ровно настолько, чтобы пропустить одного человека.

Он невысок, коренаст, одет в промасленную кожу и грубый холст. Лицо скрывает густая, седая борода, но глаза из-под нависших бровей смотрят с такой концентрацией и холодным умом, что становится не по себе. В руках держит не оружие, а огромный разводной ключ, который кажется продолжением его руки.

[Гномар. Уровень: ????. Отношение: Подозрительно. Класс: Инженер/Кузнец.]

— Вожак? Красным? — его голос низкий, глухой, как скрежет камня по металлу. — Врёшь. Альфы не светятся. Они воняют. И их стаи редко заходят так близко к стенам.

Не настаиваю на лжи. — Слышал вой. С металлическим отзвуком. В восточном секторе. Это правда.

Гномар изучающе смотрит на меня. Его взгляд скользит по моей куртке на земле, по рюкзаку, наконец, останавливается на моих руках. На запястьях.

— Покажи руки.

Медленно опускаю руки, поворачиваю ладони вверх, потом вниз. Он делает шаг вперёд, не обращая внимания на стражников. Берёт мою правую руку, грубо разворачивает ладонью вверх. Его пальцы, шершавые и сильные, нащупывают тонкий, едва заметный шрам-ожог вокруг запястья. След от контакта нейроинтерфейса.

Он выпускает мою руку, будто обжигается. Отступает на шаг. Его лицо ничего не выражает.

— Провалившийся, значит, — бормочет себе под нос, но я слышу. — Ладно. Заходи. Быстро. Пока другие не увидели.

Кивает стражникам. — Пропустить. Конвоировать ко мне в мастерскую. Никому не показывать. Понятно?

Те кивают без лишних слов. Ворота скрипят, открываясь чуть шире. Гномар уже разворачивается и уходит внутрь, не оглядываясь. Старший стражник тыкает меня в спину древком алебарды.

— Иди. И не вздумай шуметь.

Поднимаю куртку, накидываю её на плечи, шагаю за ворота в Последний Приют. Они захлопываются за моей спиной с тяжёлым, окончательным стуком. Я внутри. Но теперь я не просто путник.

Я пленник. И загадка.

Лежу в кустах, наблюдаю, как ворота Приюта наконец закрываются после вечерней смены караула. В голове крутится план: нужно дождаться глубокой ночи, попытаться перебраться через частокол в самом глухом его месте, использовать те самые металлические выступы...

Щелчок тихий, но абсолютно чёткий. Сухой. Механический. Звук взводимой тетивы. Раздаётся в метре позади, прямо за спиной.

Всё внутри холодеет и сжимается. Не дышу.

— Шевели мышцу — получишь между лопаток, — голос женский, низкий, без единой нотки эмоций. Холодный, как сталь. — Руки. Медленно.

Поднимаю руки, развожу ладони в стороны, чтобы было видно — они пусты. Поднимаюсь так медленно, будто суставы из ржавого железа.

— Встань. Не оборачивайся. Иди вперёд. К тому дубу.

Послушно встаю, делаю несколько шагов к указанному дереву. Слышу, как сзади поднимается и идёт за мной, абсолютно бесшумно. Только лёгкий хруст хвои под её сапогом раз в три моих шагов.

— Стой. Обопрись о ствол. Руки за голову. Скрести пальцы.

Выполняю. Прижимаюсь лбом к шершавой коре. Пахнет смолой и сыростью.

Шаги приближаются. Чувствую, как чьи-то быстрые, цепкие руки проходят по бокам, карманам, голенищам. Движения профессиональные, без лишней грубости, но и без церемоний. Вытряхивают содержимое карманов куртки на землю: мультитул, пустая упаковка от сухпайка, смятые салфетки. Потом проверяющий опускается на корточки, ощупывает голенища. Находит спрятанный в носке запасной нож от мультитула — крошечное лезвие для чистки ногтей. Фыркает.

Затем руки добираются до рюкзака. Расстёгивают, вытряхивают всё содержимое на мох. Пустая фляга. Остатки мяса илоеда, завернутые в лист. Камень для точки лезвия. И всё.

— Обернись. Медленно.

Разворачиваюсь, всё ещё держа руки за головой.

Передо мной стоит она. Невысокая, худощавая, в поношенном, выцветшем камуфляже, который сливается с лесной подстилкой. Лицо — скуластое, загорелое, с тонкими, плотно сжатыми губами. Глаза — светло-серые, как мокрый сланец, смотрят без любопытства, с чистым, незамутнённым анализом. В её руках короткий, мощный лук, стрела с тупым охотничьим накопником уже лежит на тетиве и направлена мне в солнечное сплетение. На поясе — длинный нож в потёртых ножнах.

«Взгляд» наконец-то срабатывает, выдаёт информацию прямо поверх её изображения.

[Лира. Уровень: 5. Отношение: Враждебно. Класс: Скаут/Выживальщица.]

— Новичок, — говорит она тем же ледяным тоном. — Идиот. Собирай своё барахло. Быстро.

Опускаюсь на колени, начинаю судорожно запихивать вещи обратно в рюкзак. Руки дрожат.

— Зачем подкрадывался к стенам? — спрашивает она.

— Я... я ищу убежища. Я провалившийся.

Её глаза сужаются на долю секунды. Взгляд становится ещё острее. — Доказательства.

Показываю запястье со шрамом от интерфейса. Она кивает, будто это именно то, что ожидала увидеть.

— Поднимайся. Пошёл за мной. И запомни: один крик, одна попытка бежать — и твои кишки украсят сосну. Я не буду стрелять. Просто разрежу и оставлю. Здесь зверьё быстро найдёт работу. Понял?

Кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Её спокойствие страшнее любой ярости.

Она делает едва заметный жест луком — «вперёд». Иду, а она занимает позицию сзади и слева, в мёртвой зоне, продолжая держать лук наготове.

Идём к воротам Приюта. Не вижу её лица, но чувствую взгляд, впивающийся между лопаток. Это не встреча. Это арест. И мой первый контакт с обитателем этого мира оказывается не с философом или торговцем, а с хищником в человеческом облике, который с первого взгляда распознал во мне добычу.

И теперь ведёт эту добычу в логово.

Лира проводит меня через ворота коротким, резким жестом. Стражники лишь кивают ей, бросая на меня короткие, оценивающие взгляды. Внутри тесно, шумно и пахнет совсем иначе, чем в лесу. Дым, горелое масло, человеческий пот, металлическая пыль. Идём по узким проходам между приземистыми постройками из ржавого железа и гниющих досок, пока не упираемся в высокое, скособоченное сооружение, больше похожее на грудку спрессованного хлама с дверью. Ангар.

Лира толкает дверь плечом, не выпуская лук из рук. — Гномар! Гость!

Внутри просторно, загромождённо и наполнено гулом. Воздух висит тяжёлой смесью запахов: раскалённого металла, машинного масла, кислоты и старой пыли. Повсюду громоздятся стеллажи с деталями, свисают пучки проводов, мигают лампочки на самодельных щитах. В центре, за верстаком, заваленным железным ломом, стоит человек.

Массивный. Широкий в плечах, с руками, которые кажутся выкованными из того же металла, что лежит вокруг. Лицо скрывает густая, седая борода, испачканная сажей и маслом, но глаза, подсвеченные светом паяльной лампы, смотрят острыми, пронизывающими точками. В его руке не инструмент, а скорее продолжение руки — массивный паяльник, жало которого раскалилось до тусклого красного свечения.

«Взгляд» выдаёт информацию мгновенно, почти с облегчением, переключаясь с нечитаемой Леры на новую цель.

[Гномар. Уровень: 7. Отношение: Подозрительно. Класс: Инженер/Кузнец.]

— Кого притащила? — голос Гномара низкий, хриплый, как скрежет ржавых шестерён.

— Подкрадывался к стенам. С востока. Говорит, провалившийся.

Гномар откладывает паяльник, вытирает руки о промасленный фартук. Подходит ближе. Его взгляд скользит по моей фигуре, задерживается на деталях: на относительно чистой куртке, на городских ботинках, на рюкзаке с чужеродными молниями.

— Откуда? — первый вопрос звучит как удар.

— Не знаю, — выдавливаю. — Проснулся в лесу. Не помню как.

— Как выжил?

— Как мог. Пил воду. Поймал тварь, съел. Спрятался от Сквернолюдов.

— Что видел?

— Лес. Станный. Ручей. Метки на камнях. Дым. Пошёл на дым.

Говорю коротко, убирая всё лишнее. Без эмоций. Как робот. Гномар слушает, не перебивая. Его глаза не отрываются от моего лица.

— Сколько дней?

— Два. Ночь, день, и ещё ночь почти.

— Оружие?

Показываю мультитул, который Лира бросила в рюкзак после обыска. Гномар берёт его, крутит в толстых пальцах, фыркает, отшвыривает на верстак.

— Хлам. Для открывания банок. Где научился скрываться? Лес-то не простой.

— Инстинкт, — лгу. — Бежал, прятался.

Он медленно качает головой. — Мало. Слишком гладко. И слишком чисто, — он делает шаг вперёд. — Руку дай.

Протягиваю правую руку, не понимая. Он грубо хватает её за запястье, переворачивает ладонью вверх. Его шершавый большой палец с нажимом проводит по коже у основания ладони, потом выше, к внутренней стороне запястья. И останавливается. Нащупывает то, что искал.

Понимаю, что проиграл, ещё до того, как он заговорит.

Гномар притягивает мою руку к свету лампы. На бледной коже чётко проступает тонкий, ровный след-ожог в виде незамкнутого кольца. Шрам от постоянного контакта с нейроинтерфейсом капсулы. Его нельзя списать на случайность.

Гномар выпускает мою руку. Отступает на шаг. Его взгляд из подозрительного становится тяжёлым, знающим.

— Так, — тихо говорит он. — Такие шрамы... они бывают только у «провалившихся». У тех, кого система выплюнула с неправильными метками, — он смотрит прямо на меня. — Ты не просто проснулся в лесу. Ты упал. С другого уровня. С той стороны.

Он не спрашивает. Он констатирует. Ложь бессмысленна.

Молчу. Это и есть ответ.

Гномар кивает, будто ставит галочку в невидимом чек-листе. — Значит, легенды правда. И значит, у нас проблема. Потому что «провалившиеся» — это гвозди, на которых «Очистители» вешают свои проповеди. И магнит для всякой... системной нечисти.

Он поворачивается, берёт со стола какую-то деталь, начинает вертеть её в руках, не глядя. — Лира. Снаружи всё чисто?

— Чисто. Стая у Труб, но не ближе.

— Ладно. — Гномар бросает деталь в ящик с грохотом. Смотрит теперь не на меня, а куда-то в пространство за моей спиной. — Значит, так. Ты остаёшься. Не по доброте. По необходимости. Ты теперь факт. И факты нужно контролировать. Понял?

Киваю.

— Завтра начнёшь работать. Докажешь, что ты ресурс, а не угроза. А сейчас... Лира, устрой его в старом складе. Дай поесть. И чтоб глаз с него не спускали.

Лира кивает, трогает меня за локоть. — Пошли.

Иду за ней к выходу, чувствую на спине тяжёлый, неотрывный взгляд Гномара. Допрос закончился. Не выдал главного — про «Взгляд», про своё знание систем. Но выдал достаточно, чтобы меня классифицировать. Чтобы поставить на учёт.

Я не просто странник. Я «провалившийся». И в этом мире такая метка — клеймо. И, возможно, смертный приговор, который просто отсрочили.

Старый склад оказывается не складом, а углом в дальнем конце того же ангара, отгороженным рваным брезентом и заваленным ящиками с непонятным хламом. Здесь пахнет пылью, затхлостью и слабым, едким запахом окислившегося металла. Лира отодвигает ящик, достаёт оттуда свёрнутое в рулон одеяло — грубое, из какого-то колючего волокна — и бросает его на пол.

— Спи тут. Утром разберёмся. Выходить за брезент нельзя. Слышишь?

Киваю, глядя на этот «угол». Это не комната. Это клетка.

Она уходит, и слышу, как снаружи что-то тяжёлое придвигают к проходу. Не запор, но сигнал ясен.

Сажусь на одеяло, прислоняюсь спиной к холодному металлическому ящику. Усталость накрывает с головой, густая и липкая, но сон не идёт. В голове прокручивается допрос. Шрам. Гномар знал, что это такое. Значит, другие тоже могут узнать. «Очистители»... по его тону, это что-то вроде фанатичной инквизиции. И я теперь их законная цель.

Достаю из рюкзака последние крошки сухпайка, медленно разжёвываю, запивая тёплой водой из фляги. Еда не приносит облегчения, лишь подчёркивает пустоту в желудке.

Через какое-то время за брезентом слышатся шаги. Не лёгкие, как у Лиры, а тяжёлые, размеренные. Брезент отодвигают, и в проёме показывается Гномар. В руках он держит две жестяные миски. В одной — густая, серая похлёбка с плавающими кусочками чего-то неопознанного. В другой — вода.

Он ставит миски на ящик рядом со мной, сам присаживается на корточки, глядя на меня своими пронзительными глазами.

— Ешь. Не отравлено.

Не церемонюсь. Беру миску, начинаю есть. Похлёбка безвкусная, тёплая, солёная. В ней попадают волокнистые кусочки мяса и какие-то мучнистые коренья. Пища. Не более. Но после леса и сухпайка кажется пиром.

Гномар молча наблюдает, как я ем. Потом заговаривает, не повышая голоса.

— Приют — не благотворительность. Здесь каждый паёк отрабатывается. Каждая пуля, каждый гвоздь. Ты сейчас — балласт. Дармоед. Так долго не продлится.

Проглатываю очередной кусок. — Что я должен делать?

— Работать. То, что ты провалившийся, — это риск. Но и возможность. Ты видел мир... с другой стороны. Знаешь правила, которые мы только угадываем. Это может быть полезно. Если, конечно, ты не сойдёшь с ума или тебя не прирежут свои же.

— Свои же?

— Люди боятся того, чего не понимают. А ты — ходячая загадка. С чужой меткой на коже, — он кивает на моё запястье. — Так что твоя задача — стать понятным. Полезным. Идиотом с золотыми руками. Понял?

— Понял.

— Завтра идёшь с патрулем Лиры. На разведку к Старым Трубам. Посмотрим, как ты себя поведёшь в поле. Умрёшь — значит, был ненужным риском. Выживешь — поговорим о постоянном месте.

Старые Трубы. То самое место, где, по словам стражников, засела стая и откуда не вернулась Лира. Меня посылают туда, как пушечное мясо, на разведку. Это тест. Смертельный.

— А если я откажусь? — спрашиваю, уже зная ответ.

Гномар усмехается в бороду. — Откажешься — вылетишь за ворота прямо сейчас. С тем, что на тебе. И мы посмотрим, как долго продержишься в одиночку. Выбор за тобой.

Выбора нет. В лесу — верная смерть от голода, тварей или тех же «Очистителей». Здесь — шанс. Пусть мизерный.

— Я пойду.

— Вот и славно. — Гномар встаёт, его суставы хрустят. — Утром Лира даст тебе что-нибудь из старья. Не оружие. Инструмент. И запомни: там, снаружи, она главная. Её слово — закон. Ослушаешься — она бросит тебя, и я её поддержу. Её жизнь дороже твоей пока что.

Он разворачивается и уходит, откинув брезент. Остаюсь один с пустой миской и тяжёлыми мыслями.

Допиваю воду, ставлю миску рядом. Ложусь на одеяло, укрываюсь своим плащом. Холод от бетонного пола просачивается сквозь тонкую ткань.

В углу зрения «Взгляд» тихо мигает, показывает обновлённый статус: [Локация: Последний Приют. Статус: Испытательный срок. Квест обновлён: «Испытание у Старых Трубах». Цель: Вернуться живым с патрулем. Награда: Право остаться.]

Закрываю глаза. Страх есть, но он отступает на второй план. Его место занимает холодное, сосредоточенное принятие. Я принял правила их игры. Теперь мне предстоит в них играть. И выиграть свою первую партию. Ценой в собственную жизнь.

За стеной гудят механизмы Гномара, слышатся приглушённые голоса дежурных. Лежу в своей клетке и думаю о завтрашнем дне. О Старых Трубах. О том, что должен там увидеть. И о том, как использовать это знание, чтобы не стать расходным материалом, а стать нужным.

Сон приходит внезапно, тяжёлый и без сновидений. Последняя мысль перед тем, как провалиться в темноту: я вошёл в систему. Теперь нужно научиться в ней жить.

ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ КВЕСТ

Утро в Приюте началось не с рассвета, а с гула. Гул генераторов, стук молотков, приглушённые окрики. Проснулся от того, что брезент отдернули. На пороге стояла Ли́ра. Выглядела так, будто не спала вовсе — те же холодные глаза, тот же собранный, пружинистый вид. В руках держала свёрток из грубой ткани.

— Вставай. Есть десять минут.

Бросила свёрток под ноги и вышла. Развернул ткань. Внутри лежали обмотки для ног из плотного, волокнистого материала и нож. Не оружие — тяжёлый, неуклюжий тесак с толстым обухом и коротким, затупленным клинком. Инструмент для рубки веток или разделки туш. Лезвие покрывали пятна ржавчины.

Быстро намотал обмотки на голенища, пристроил тесак на пояс, поверх плаща. Вышел из-за брезента. Ли́ра ждала, опершись о стену. Окинула беглым взглядом, кивнула — «иди за мной» — и пошла, не проверяя, следуя ли.

Вышли из ангара на утреннюю улицу Приюта. Воздух стоял холодным, пропитанным дымом и запахом металлической пыли. Люди, которых видел вчера вечером, сейчас занимались делами: кто-то чинил стену, кто-то разгружал тележку с кореньями, у костра варилась похлёбка. На меня смотрели. Взгляды были быстрыми, оценивающими, но без вчерашней острой враждебности. Новость, видимо, разнеслась.

Ли́ра привела к низкому навесу у восточной стены, где уже ждали двое. Оба мужчины, одетые в похожую на её камуфляжную рвань, с луками за спинами и короткими копьями в руках. Их лица скрывали шарфы, видны только глаза — усталые, внимательные.

— Коготь, Шрам, — отрывисто представила Ли́ра, кивнув на каждого. — Это новичок. Сандер. Идёт с нами на Трубы.

— С ним? — один из них, Коготь, фыркнул. — Обязанность?

— Приказ Гномара. Не наша проблема. Его задача — тихо идти, тихо смотреть и не отсвечивать.

Она повернулась ко мне, достала из-за пазухи потрёпанный кусок толстой кожи. На ней выжжены контуры, символы и стрелки. Карта.

— Слушай. Мы идём сюда. — её грязный ноготь ткнул в точку у края. — Старые Трубы. Задача — тихо дойти, запомнить, что увидишь, и тихо вернуться. Никакого геройства. Никакого шума. Ты идёшь в середине. Шрам впереди, я замыкаю. Шумишь — бросаю на растерзание. Понял?

— Понял.

— Маршрут. — её палец провёл по зигзагообразной линии, обходя несколько помеченных символов. — Держимся ручья до Сломанного Дуба. Потом — через Просеку Молчания. Там всегда тихо, но грунт предательский. Потом — подъём на гребень, оттуда вид на Трубы. Всё. Вопросы?

— Какие символы? — показал на странные значки у Просеки.

— Зоны выброса. Воздух там... плохой. Быстро устаёшь, голова кружится. Идём быстро, не задерживаемся.

Она свернула карту, спрятала. — Всё. Проверь снаряжение. Выходим через пять минут.

Коготь и Шрам молча занялись своими луками, проверяя тетивы. Стоял, чувствуя себя лишним. Мой тесак висел на боку как пародия на оружие. Но это был тест. Не на силу. На послушание. На наблюдательность. На умение быть тенью.

— Эй, новичок, — Коготь бросил свёрток. — Жуй. На дорогу.

Поймал. Это полоска вяленого мяса, твёрдая, как дерево, и солёная на вкус. Сунул в карман. — Спасибо.

— Не благодари. Если начнётся беготня, ты первый побежишь. И первым сдохнешь. Так что жуй, пока можешь.

Лира бросила на него короткий взгляд, и он замолчал. Она взглянула на низкое, серое небо, потом на меня.

— Последнее. Видишь метки на стенах? Стрелки, кресты? Запоминай. Это твой язык теперь. Если отобьёшься — они покажут дорогу назад. Если увидишь перечёркнутый круг — беги. Это значит смерть. Идём.

Она развернулась и пошла к воротам. Коготь и Шрам двинулись за ней, даже не взглянув на меня. Сделал глубокий вдох, поправил тесак на поясе и пошёл следом, держась на шаг сзади. Ворота скрипнули, открылись ровно настолько, чтобы пропустить нас четверых, и захлопнулись.

Снова снаружи. Но на этот раз я не один. И у меня задача. Первая настоящая задача в этом мире. И от того, как её выполню, зависит всё.

Лес за стенами Приюта не изменился. Всё тот же гул, те же кричащие цвета, тот же металлический привкус на языке. Но теперь шёл не как беглец, а как часть группы. И это меняло всё.

Лира шла первой. Её движения были экономичными, плавными. Она не просто ставила ногу — выбирала точку, проверяла её весом, только потом переносила тело. Она не смотрела под ноги — сканировала пространство впереди и по сторонам, поворачивая голову едва заметными рывками. Она была не человеком, а частью леса. Животным.

Шрам шёл за ней, повторяя её маршрут точь-в-точь, но с полшагом отставания. Он держал копьё в руке, не как опору, а как готовое к удару оружие.

Коготь шёл третьим, постоянно оглядываясь, прикрывая тыл и... меня. Я был последним. И я был проблемой.

Первый же склон показал это. Лира и Шрам поднялись по почти вертикальной грязной осыпи, используя корни как ступени, не издав ни звука. Попытался повторить. Нога соскользнула, ком грязи и камней с шумом покатился вниз. Всё замерло.

Лира не обернулась. Но её плечи напряглись. Коготь сзади прошипел: — Тише, чёрт тебя дери!

Кивнул, чувствуя, как жар стыда разливается по лицу. Собрался, нашёл более устойчивую точку, поднялся. Но урок усвоен. Здесь нельзя копировать. Нужно думать.

Начал использовать «Взгляд». Не для анализа угроз — для анализа пути. Смотрел на след, оставленный Лирой, и система тонко подсвечивала самые устойчивые участки грунта, самые крепкие корни. Ставил ногу в эти зелёные ореолы. Стабильность повышалась. Шум уменьшался.

Через полчаса пути вышли к ручью — не тому, первому, а другому, более мелкому и быстрому. Здесь Лира остановилась, подняла руку. Все замерли. Она несколько секунд слушала, потом кивнула и жестом показала: «Вперёд, по камням».

Начали переходить, прыгая с камня на камень. Лира и Шрам делали это легко, почти грациозно. Сосредоточился, рассчитывал каждый прыжок. И тут «Взгляд» дрогнул. На краю зрения, на мокром камне, который собирался выбрать как следующую опору, система наложила полупрозрачный красный контур. [Риск: высокая неустойчивость. Вероятность соскальзывания: 87%.]

Замер на мгновение, сменил траекторию, прыгнул на соседний, более плоский камень. Он действительно оказался устойчивее. Когда приземлился, Лира, уже стоявшая на том берегу, бросила короткий, изучающий взгляд. Она заметила манёвр. Но ничего не сказала.

Снова углубились в лес. Просека Молчания встретила не тишиной, а гнетущим, давящим безмолвием. Даже вечный гул здесь стихал, превращаясь в отдалённое эхо. Воздух стал гуще,

тяжелее, им трудно дышать. Деревья стояли кривые, скрюченные, с чёрными, обугленными листьями. На земле не было мха — только серая, потрескавшаяся глина.

— Быстрее, — тихо бросила Лира, не оборачиваясь. — Не задерживай дыхание. Иди нормально.

Ускорили шаг. Чувствовал, как в висках начинала стучать кровь, в глазах мелькали тёмные пятна. «Взгляд» выдавал предупреждение: [Обнаружена аномалия атмосферы. Концентрация неизвестных частиц высока. Рекомендация: минимизировать время воздействия.]

Шёл, глядя под ноги, и вдруг увидел то, что пропустили впереди идущие. На серой глине, в тени огромного корня, отпечатался след. Не трёхпалый след Сквернолюда. Это отпечаток подошвы. Человеческой. Но не от грубого ботинка обитателя Приюта. След был чётким, с мелким рисунком протектора, как на моих собственных, почти стёршихся кроссовках. И он был свежим — края ещё не успели обсохнуть.

Остановился, присел, чтобы разглядеть лучше. Лира, заметив, что отстал, обернулась. Её взгляд стал острым.

— Что? — её шёпот прозвучал как выстрел в этой тишине.

Показал на след. Она подошла, взглянула. Её лицо не изменилось, но глаза сузились. Она подняла руку, давая знак Шраму и Когтю залечь. Сама опустилась на корточки рядом.

— Не наш, — тихо сказала она. — И не местный. Протектор... технологичный.

— Провалившийся? — спросил так же тихо.

— Или охотник «Очистителей». Они носят иногда подобное. Старое, с Большой Земли, — она провела пальцем по краю отпечатка. — Свежий. Несколько часов. Идёт не к Трубам. В сторону. К Чёрным Холмам.

Она встала, огляделась. — Меняем маршрут. Обходим Просеку по краю. Там дольше, но безопаснее. Если это разведка «Очистителей» — они могли поставить наблюдателей.

Двинулись обратно, к краю Просеки, пошли вдоль опушки. Лира шла теперь ещё тише, если это было возможно. Она больше не смотрела на меня с презрением. Её взгляд, когда оборачивалась проверить дистанцию, стал другим. Не одобряющим, но... признающим. Я заметил то, что не заметила она. Это что-то значило.

Когда вышли из зоны Молчания, и обычный лесной гул снова заполнил уши, почувствовал, что что-то изменилось. Я был не просто грузом. Я часть команды. Пока что самой слабой и бесполезной, но уже не чужой. Я начал приносить пользу. Пусть крошечную. Но в этом мире каждая кроха имела значение.

И это была первая, самая маленькая победа.

Обогнули Просеку по узкой, заросшей колючим кустарником тропе. Лира вела нас теперь с удвоенной осторожностью, часто останавливаясь и подолгу вслушиваясь. След чужого ботинка висел в воздухе незримой угрозой. «Очистители» — это слово теперь имело вес и форму.

Через час начали подъём на гребень. Земля сменилась на каменистую осыпь, деревья стали реже и ниже. Воздух по-прежнему вибрировал тем же гулом, но здесь к нему добавился новый звук — низкий, прерывистый гул, похожий на работу далёкого, неисправного вентилятора. Это и были Трубы.

Лира дала знак залечь. Поползли к самому краю гребня, укрываясь за валунами и чахлыми кустами. Приподнял голову и увидел.

Внизу лежала широкая ложбина. Её пересекали гигантские, ржавые конструкции — опоры древней эстакады или трубопровода. Металл покрывал толстый слой бурой окалины и лиан с ядовито-фиолетовыми цветами. Некоторые трубы, толщиной в несколько обхватов, были разорваны, изгибались к земле, образуя мрачные арки. Другие торчали из грунта под неестественными углами. Всё это было мёртво, но не безмолвно. Тот самый гул шёл откуда-то из глубин, будто где-то там, под землёй, всё ещё работал древний, полуразрушенный механизм.

Лира жестом показала вперёд. Направил взгляд туда, куда она указывала. У основания одной из самых больших арок шевелилось что-то серое, большое. Сквернолюды. Но не падальщики. Они были крупнее, стояли прямо, в руках некоторых были обломки арматуры, похожие на дубины. Их движения были не беспорядочными, а скорее... патрульными. Они ходили взад-вперёд у входа под арку, изредка останавливаясь и припнувшись.

«Взгляд» начал выводить данные, но информация была скудной: [Сквернолюд-воин. Уровень: 4. Угроза: средняя. Особенность: повышенная организованность.]

Их было трое. Видимо, дозор.

Лира придвинулась ко мне так близко, что почувствовал запах её кожи — пот, пыль, что-то горькое, травяное. Она прошептала прямо в ухо, едва шевеля губами:

— Видишь? У входа. Их трое. Раньше был только дозор из двух. Значит, внутри что-то изменилось.

— Что внутри?

— Старая насосная. Говорят, там есть спуск вниз. Но мы никогда не лазили. Слишком опасно.

Присмотрелся. Под массивной аркой зиял чёрный провал. Вход в подземелье. И его охраняли.

— Нужно посчитать всех, — тихо сказала она. — Запомнить расположение. И уйти. Не заметными.

Лежали, наблюдая. Включил режим записи в «Взгляде», чтобы зафиксировать патрульные маршруты. Воины ходили по треугольнику между тремя ключевыми точками: у входа, у обломка трубы справа и у груды металлолома слева. Цикл занимал примерно три минуты. Между ними была мёртвая зона в десять секунд у груды лома, когда ни один из них не смотрел прямо на наш гребень.

Собирался сообщить об этом Лире, когда движение в тени под самой дальней трубой привлекло внимание. Что-то шевельнулось. Не серое. Чёрное, массивное, низкое. Оно выкапилось из тени, и я увидел.

Это была не тварь. Это был... краб? Механизм? Его панцирь состоял из сросшихся металлических пластин, покрытых той же бурой ржавчиной. Вместо клешней — два мощных манипулятора, заканчивающихся чем-то вроде гидравлических кусачек. Оно двигалось на множестве коротких, сочленённых лап, издавая тихое, шипящее пневматическое посвистывание. Его «голова» — блок с несколькими тускло светящимися красными сенсорами — медленно поворачивалась, сканируя местность.

[Объект: Автономный страж-уборщик (модифицированный). Уровень: 8. Угроза: высокая. Состояние: патрулирует периметр. Примечание: вероятно, остаток старой системы безопасности.]

Уровень восемь. Высокая угроза. И он патрулировал прямо под нами.

Лира тоже его увидела. Её тело напряглось, как тетива лука. Она медленно, очень медленно отползла назад от края, жестом приказывая сделать то же самое всем.

Отползли на несколько метров вниз по склону, в укрытие за большим валуном. Только тогда Лира выдохнула.

— Чёрт. Его раньше здесь не было. Он должен был быть глубоко внутри. Значит, что-то его выгнало. Или привлекло.

— Что будем делать? — прошептал Шрам, впервые за всё время выглядевший по-настоящему встревоженным.

— Ничего. Наша задача — разведка. Мы её выполнили. Видели усиленный дозор. Видели Стража. Это важнее, чем подсчёт голов. Возвращаемся. Сейчас.

Она посмотрела на меня. — Запомнил маршруты дозора?

Кивнул. — Треугольник. Цикл три минуты. Мёртвая зона у груды лома на десять секунд. Она удивлённо приподняла бровь, но кивнула. — Хорошо. Значит, не совсем бесполезен. Теперь ползём обратно. Тихо. Как мыши. Если этот железный урод засечёт нас — нам конец.

Поползли назад по склону, каждый звук, каждый шорох гравия под локтями казался оглушительным. Постоянно чувствовал спиной тяжесть того места, где остались Трубы, Стражи и чёрный провал входа. Заползли в лес, встали на ноги и, не разговаривая, быстрым шагом пошли по обратному маршруту.

Только когда Просека Молчания осталась далеко позади и снова вышли к знакомому ручью, Лира позволила остановиться на короткий привал.

— Итак, — сказала она, разминая плечо. — Трубы активизировались. Значит, либо там проснулось что-то старое, либо пришло что-то новое. И то, и другое — плохо для Приюта.

Она посмотрела на меня. — Твой отчёт Гномару будет важен. Говори всё, что видел. Детали. Особенно про этого Стража.

— Хорошо, — сказал я. — А про след? Про того, кто мог быть «Очистителем»?

Лира нахмурилась. — Про это — только мне и Гномару. Остальным знать не нужно. Лишняя паника ни к чему. Понял?

Понял. Информация была оружием. И ею нужно распоряжаться с умом.

Двинулись дальше, к стенам Приюта. В первый раз за этот поход чувствовал не просто облегчение от возвращения. Чувствовал тяжесть ответственности. Видел что-то важное. И теперь предстояло это передать. И от того, как меня выслушают, зависело, останусь ли здесь, или снова окажусь по ту сторону стен.

Обратный путь прошёл быстрее и тише. Шли уже проторенной тропой, и я научился немного предугадывать, куда ступит Лира. Меньше спотыкался. Меньше шумел. «Взгляд» продолжал работать, отмечая знакомые ориентиры, и я уже не чувствовал себя совершенно потерянным в этом аномальном лесу.

Подшли к ручью у стен Приюта как раз в тот момент, когда солнца-близнецы начали клониться к закату, окрашивая небо в грязные оттенки охры и сизого. Лира дала знак остановиться, прислушалась. Лес гудел своим обычным гулом. Никаких посторонних звуков.

— Идём последний рывок, — тихо сказала она. — До ворот. Не расслабляться.

Двинулись по последней сотне метров расчищенной полосы. Когда ворота показались в просвете деревьев, почувствовал странное облегчение, смешанное с напряжением. Выход «в поле» и возвращение обратно — это были два разных состояния. Снаружи ты был дичью. Внутри — пока ещё непонятно кем, но уже не просто мишенью.

Стража у ворот сменилась. Другие лица, но тот же настороженный, профессиональный взгляд. Они узнали Лиру, кивнули. Взглянули на меня, на Когтя и Шрама, и без лишних слов отодвинули тяжёлый засов. Ворота со скрипом приоткрылись.

Вошли внутрь. Запах дыма, пищи и людей ударил в нос, резкий и почти уютный после лесной химической смеси. Лира сразу же направилась к ангару Гномара, не оборачиваясь. Шли за ней по узким проходам, и на нас снова смотрели. Но теперь во взглядах, брошенных в мою сторону, было меньше подозрения и больше простого любопытства. «Вернулся. Значит, не сдох. Интересно.»

В ангаре Гномар что-то паял, склонившись над платой. Он поднял голову, увидел нас, отложил паяльник.

— Ну?

Лира шагнула вперёд. — Трубы. Усиленный дозор. Трое воинов, уровень четыре. И появился новый игрок. Автономный страж. Уровень восемь. Патрулирует периметр.

Гномар нахмурился, протёр глаза, запачканные сажей. — Страж? Из глубины?

— Похоже на то. И ещё. На подходах, у Просеки, Сандер нашёл след. Свежий. Не наш. С технологичным протектором.

Гномар медленно повернул голову ко мне. — Ты нашёл?

— Да. Я заметил, когда мы шли.

— Опиши.

Описал отпечаток — чёткий рисунок, небольшой размер, свежесть. Гномар слушал, его лицо стало каменным.

— Очистители, — произнёс он наконец. — Их разведка. Они тоже интересуются Трубами. Или... ищут кого-то. — Его взгляд на мгновение задержался на мне. — Это меняет дело. Значит, времени меньше. Ладно, — он махнул рукой в сторону Когтя и Шрама. — Идите, отчитайтесь у Копья. Получите пайку.

Те кивнули и вышли, бросив на меня последние оценивающие взгляды. В ангаре остались мы трое.

Гномар подошёл ко мне. — А ты, новичок, сегодня не опозорился. Лира говорит, ты не только не накосячил, но и пользу принёс. Мало, но уже что-то.

Молчал, не зная, что ответить.

— Значит, испытание пройдено, — заключил он. — Пока что. Ты получаешь право остаться. Временное. Спишь там же, в складе. Работаешь со мной днём. Будешь сортировать лом, чистить инструменты, делать что скажу. Паёк будешь получать. Скучный, но лучше, чем в лесу. И будешь учиться. Всему. Потому что если «Очистители» идут сюда, то тебе, с твоей меткой, прятаться будет негде. Нужно будет уметь постоять за себя. Понял?

— Понял.

— Иди. Возьми свою пайку у костра. Потом возвращайся, покажу, с чего начинать.

Кивнул и вышел из ангара. Лира шла рядом несколько шагов, потом остановилась.

— Ты шумишь как телега, — сказала она беззлобно, почти констатируя факт. — Но глаза работают. За след — спасибо.

Это была не похвала. Это была констатация факта. Но в её мире, где выживание было высшей ценностью, это значило больше любой похвалы.

Она развернулась и ушла, растворившись в сумеречных переулках Приюта. Стоял один, слушая гул генераторов и голоса людей. Потом направился к центральному костру, где раздавали еду. Очередь была недлинной. Когда подошёл, повар — крупная женщина с лицом, покрытым оспинами, — мельком взглянула, налила в жестяную миску порцию той же серой похлёбки и бросила кусок пресной лепёшки.

Взял миску, нашёл свободное место у стены, сел на землю и начал есть. Похлёбка была тёплой, жирной. Лепёшка — твёрдой, но съедобной.

Пока ел, в углу зрения «Взгляд» выдал несколько уведомлений.

[Квест «Испытание у Старых Труб» выполнен.]

[Получено: 50 ХР. Отношения с «Последний Приют» улучшены (Нейтрально -> Приют).]

[Навык «Скрытность» повышен до уровня 2.]

[Навык «Наблюдательность» повышен до уровня 3.]

[Получен титул: «Выживший (новичок)».]

Опыт. Улучшение навыков. Титул. Всё как в игре. Только здесь награда была не виртуальной. Она была в тёплой миске в руках, в крыше над головой, в том, что на меня больше не смотрели как на немедленную угрозу.

Допил похлёбку до дна, облизал ложку. Встал, отнёс миску к бочке с грязной посудой. Потом вернулся в ангар к Гномару. Он уже ждал, указывая на гору ржавых болтов и гаек.

— Начинай. По размеру и материалу. Быстро.

Сел на табурет и начал работу. Руки были грязными, спина ныла, но внутри впервые за эти три дня было спокойно. Я прошёл первое испытание. Я был внутри системы. И теперь мне предстояло в ней разобраться. Пока «Очистители» не разобрались со мной.

ГЛАВА 5. ЦЕНА МЕТАЛЛА

Утро началось не с гула, а с удара металла о металл. Гномар, не глядя, швырнул пустой металлический ящик к моим ногам. Звук отозвался грохотом в тишине спящего ангара.

— Вставай. Солнце уже в зените.

Я встал с одеяла, потянулся. Каждое движение отзывалось глухой болью в не привыкших к такой работе мышцах. Вчерашняя сортировка болтов закончилась далеко за полночь.

— Задача на сегодня, — Гномар ткнул толстым пальцем в кучу у стены. — Это. Разобрать. Цветмет — в этот ящик. Чёрный металл — в тот. Армопласт, керамику, всё что не гнётся — в угол. Провода — смотать. Всё, что с резьбой или пазами — отдельно. Понял?

Куча была высотой в полтора метра и состояла из обломков непонятных механизмов, спрессованных листов, клубков проводов. Это был хаос. Но для Гномара, судя по всему, в нём был строгий порядок.

Я подошёл, взял первый попавшийся предмет — изогнутую пластину с приваренными к ней штуцерами. Тяжёлая. Грязная. Пахла старым маслом и озоном.

— С чего начать? — спросил я.

— Начни с того, чтобы не задавать глупых вопросов. Ломай, режь, разбирай. Руками. Головой. Но сделай.

Я вздохнул, поставил пластину перед собой, взял монтировку и молоток, которые Гномар бросил рядом. Начал с того, что попытался отломить штуцеры. Металл скрипел, но не поддавался. Через десять минут бесполезных попыток я остановился, уже в поту.

— Нельзя проще?

Гномар, не отрываясь от своего верстака, где он что-то вытачивал на станке, бросил: — Можно. Нагреть и согнуть. Но печь я для этого разжигать не буду. Находи способ. Или сиди без пайка.

Я осмотрел пластину снова. Штуцеры были приварены в трёх точках. Если не ломать, а... выкручивать? Но они не были болтами. Я взял газовый ключ, зажал основание одного штуцера и с силой дёрнул. Раздался треск сварного шва. Ещё рывок — и штуцер, с прилипшей к нему полоской металла, отделился.

Так. Значит, слабое место — сварка. Не ломать, а рвать по шву.

Я принялся за работу. Сначала медленно, неловко, постоянно ошибаясь. Потом руки сами нашли ритм. Определить материал (цветмет блестел иначе, был легче), найти точку приложения силы, отделить нужное. Это была монотонная, грязная, физически тяжёлая работа. Руки быстро покрылись ссадинами и чёрной, въедливой грязью. Спина ныла.

Но странное дело — через пару часов я вошёл в состояние, близкое к трансу. Действия стали автоматическими. Мозг освободился и начал анализировать сам процесс. Какой инструмент лучше подходит. Куда бить, чтобы не отскочило. Как сортировать быстрее.

«Взгляд» молчал. Видимо, такая рутинная работа не давала опыта. Или давала, но мизерный.

К полудню я разобрал треть кучи. Ящики начали заполняться. Гномар прошёл мимо, бросил взгляд на мои результаты, хмыкнул — ни одобрения, ни порицания — и поставил рядом жестяную кружку с мутной жидкостью.

— Пей.

Я выпил. На вкус это была тёплая, слабо заваренная горькая трава с ложечкой мёда. Энергия, пусть и иллюзорная, по телу разлилась приятным теплом.

— Спасибо.

— Не за что. Мёртвый работник бесполезен. Продолжай.

Я продолжил. После полудня пришло понимание: я не просто разбираю хлам. Я изучаю. Каждый обломок, каждый кусок провода — это артефакт погибшей цивилизации. Здесь были сплавы, которых я не знал. Изоляция, не поддающаяся ножу. Разъёмы странной формы. Мир, который был здесь до «Разлома», был технологически развитым. Очень развитым.

Я нашёл небольшую плату, почти целую. На ней были чипы, но не кремниевые, а из какого-то тёмного, стекловидного материала. Я протянул её Гномару.

— Что это?

Он взял, покрутил.

— Осколок. От старых «думающих» машин. Не работают. Материал ценный. Сложи в отдельную коробку, помеченную красным.

— А что на них было?

— Кто знает. Управление механизмами. Связь. Оружием. Теперь это просто камушки. Но камушки, из которых можно сделать другое.

Он вернул плату, и я аккуратно отнёс её в маленькую коробку с красной полосой. Камушки. Из которых можно сделать другое. Фраза засела в голове.

К вечеру я закончил. Куча превратилась в аккуратные стопки рассортированного лома. Руки горели, спина гудела, но было чувство выполненного долга. Примитивного, но осязаемого.

Гномар подошёл, прошёлся вдоль ящиков, что-то пробормотал себе под нос. Потом кивнул.

— Нормально. Для первого раза. Завтра начнём ковать. Тебе нужен нормальный нож, а не это ржавое корыто.

Он ушёл к своему станку. Я остался стоять среди результатов своего труда. «Взгляд» наконец выдал тихое уведомление.

[Навык «Обращение с материалами» получен. Уровень: 1.]

[Навык «Физический труд» повышен до уровня 2.]

Никакого опыта. Только навыки. Значит, рост здесь был не в «уровнях», а в умениях. В том, чему ты научился.

Я убрал инструменты, помыл руки в ведре с ледяной водой и вышел из ангара. Вечерний Приют жил своей жизнью. Я был частью этой жизни теперь. Не героем, не изгоем. Работником. И это было больше, чем я мог ожидать два дня назад.

Цена этого места была ясна: пот, грязь, боль. Но это была честная цена. И я был готов её платить. Пока это держало меня в живых и под крышей.

Работа у Гномара стала рутиной. Утро — разборка хлама, сортировка. День — простая кузнечная работа: раздувать мехами горн, подавать инструменты, бить по раскалённой заготовке там, где он покажет. Мои руки, сначала мягкие и неумелые, быстро покрылись слоем мозолей и мелких ожогов. Но они учились. Теперь я мог отличить звон добротной стали от глухого звука пережжённого металла.

Через несколько дней такого труда, вечером, Гномар не дал мне новое задание. Вместо этого он молча бросил на верстак передо мной металлическую пластину — длинную, узкую, уже грубо обработанную, но ещё не имеющую формы.

— Руки, — буркнул он. — Покажи.

Я протянул ему руки ладонями вверх. Он взял их, не как мастер — как врач или инженер. Его толстые, шершавые пальцы ощупали мозоли на основаниях пальцев, проверили зажившие ссадины, оценили ширину ладони, длину пальцев, изгиб хвата. Он изучал не раны, а инструмент. Как этот инструмент работал.

— Левша?

— Нет. Правша.

Он кивнул, отпустил мои руки. Потом взял пластину, примерил её к моей ладони, отметил место для bolsterа и место, где должен быть центр тяжести. Его движения были точными, лишёнными суеты.

— Завтра начнём ковать тебе нож. Твой. По руке. За работу.

Я смотрел на пластину, потом на него. — Спасибо.

— Не за что. Хороший инструмент — это продолжение руки. Кривой нож в бою или в работе убьёт быстрее врага. Я не могу позволить, чтобы моя смена была вооружена хламом. Это вопрос эффективности.

Он отложил заготовку, вернулся к своему станку. Но пауза, которая повисла, была красноречивее любых слов. Это был не подарок. Это было признание. Признание того, что я не сломясь завтра. Что я останусь. Что я стал частью его мира, мира металла, огня и прагматизма.

— Какой формы будет клинок? — спросил я.

— Ты сам решишь. Я покажу тебе три формы: охотничья, боевая, универсальная. Ты выберешь. И объяснишь почему.

— А имя? Вы сказали, инструмент должен знать хозяина.

Гномар на мгновение остановился, потом кивнул, не оборачиваясь. — Да. Имя — это суть. Оно определяет, как ты будешь его использовать. Не спеши. Подумай. Клинок скажет тебе сам, когда будет готов.

Я остался в ангаре один после того, как Гномар ушёл. При свете единственной коптилки я рассматривал ту самую заготовку. Она была просто куском стали. Но через день-два она станет оружием. Моим оружием. Первой настоящей вещью, которая будет принадлежать мне в этом мире. Не найденной, не выпрошенной — заработанной и сделанной намеренно.

Я поднял руку, сжал кулак, представил, как рукоять ляжет в эту самую ладонь. Тяжесть. Баланс. Острота. Это был не просто нож. Это был символ. Я больше не был пассивной жертвой обстоятельств. Я начал формировать их. Сначала — через сортировку лома. Потом — через удар молота. Скоро — через лезвие.

«Взгляд» ничего не сказал. Никаких уведомлений. Эта сцена была вне его системы. Это был чистый, человеческий момент обмена: труд на доверие. И в этом мире, где всё измерялось цифрами и квестами, такая сделка стоила больше всего.

Я погасил коптилку и вышел в вечерний Приют. Воздух был холодным, но внутри горел тёплый, твёрдый уголёк. Завтра мы начнём ковать. А послезавтра, возможно, я дам имя своему клинку. И это имя определит не только судьбу ножа, но и мою собственную.

Паёк выдавали у большого костра в центре Приюта, где сходились несколько проходов. Это был не только пункт раздачи пищи, но и место, где стихийно собирались новости, слухи и редкие минуты неформального общения. Я взял свою миску с похлёбкой и отошёл к краю, предпочитая наблюдать, чем участвовать.

Костер был сложен не из дров, а из каких-то прессованных брикетов, дававших ровное, почти бездымное пламя. Вокруг сидели и стояли люди — стражники после смены, работники с промзоны, пара подростков. Разговоры шли тихие, усталые. О погоде, которая не менялась годами. О том, что ловушки на северном участке пустуют второй день. О том, что Гномар снова требует больше цветмета.

Я ел, слушая. Это был другой вид разведки — не за стенами, а внутри них. Нужно было понять, чем живут эти люди, чего боятся, на что надеются.

К моему удивлению, через некоторое время рядом со мной, устроившись на обрубке бревна, оказалась Лира. Она не смотрела на меня, разминая плечо и поглядывая на огонь. В её миске была та же похлёбка.

— Привыкаешь? — спросила она без предисловий, не поворачивая головы.

— К чему? К работе? Или ко всему?

— Ко всему.

— Пока не знаю. Стараюсь не думать об этом. Думаю о том, что нужно сделать сегодня. И завтра.

Она кивнула, будто это был единственно верный ответ. Потом отпила из своей кружки.

— Гномар говорит, ты справляешься. Для «провалившегося» — не так уж плохо.

— А много их было? «Провалившихся»?

Она помолчала, облизнула ложку.

— Слухи. Легенды. Я сама никогда не видела. Говорят, они приходят из ниоткуда. Иногда с... странностями. Способностями.

Моё сердце ёкнуло. Я старался сохранить лицо бесстрастным.

— Какими способностями?

— По-разному. Кто-то видит то, чего не видят другие. Кто-то быстрее учится. Кто-то... притягивает к себе неприятности. Или технику. Как у тебя с глазами, — она наконец повернула голову и ткнула пальцем в свой висок. — Ты постоянно смотришь куда-то внутрь. Ищешь цифры? Подсказки?

От её прямого взгляда стало не по себе. — Что-то вроде того, — осторожно подтвердил я. — Система помогает видеть угрозы. Слабые места.

— Система, — она произнесла это слово с лёгким презрением. — Здесь выживают не системы. Здесь выживают инстинкты. Чутьё. А система... она может обмануть. Показать то, чего нет. И скрыть то, что есть.

— Но она помогла найти след у Просеки, — парировал я.

— Помогла. Да. Но это не значит, что ей можно доверять всегда. «Очистители», например... они считают эту «систему» в глазах болезнью. Заразой. Ядом, который разъедает реальность. И всех, у кого она есть, они режут. Без разговоров.

Холодок пробежал по спине. — Почему?

— Они верят, что «Разлом» и всё, что с ним связано — это наказание. Грех. И те, кто приходит через него — не люди. А демоны или ошибки, которые нужно стереть. Чтобы очистить мир. Отсюда и имя.

Я смотрел на пламя, переваривая эту информацию. Моё главное преимущество, «Взгляд», было ещё и клеймом. Смертельным клеймом в глазах могущественной и фанатичной фракции.

— А здесь? В Приюте? Как к этому относятся?

— Здесь — практично. Если ты полезен и неводишь с ума других — твои дела. Но если начнутся проблемы из-за твоих «глаз»... — она не договорила, но смысл был ясен. — Гномар держит тебя под своим крылом. Пока. Но его крыло не бесконечно. Есть Совет. И другие мастера. У них своя логика.

Она доела похлёбка, встала. — Так что учись прятать это своё... преимущество. Особенно если увидишь белые плащи за стенами. Или услышишь звон колокольчиков. Это их знак.

Она ушла, оставив меня с холодной миской и тяжёлыми мыслями. Разговор у костра принёс больше тревоги, чем тепла. Я сидел и смотрел, как люди вокруг смеются над чьей-то шуткой, делятся табаком, чинят сетку для ловли птиц. Они строили здесь жизнь. Хрупкую, тяжёлую, но жизнь. А я был в ней чужеродным элементом. Потенциальной мишенью. И моё единственное укрытие — благосклонность угрюмого инженера — могло рухнуть в любой момент.

Я поднялся, отнёс миску. Нужно было стать не просто полезным. Нужно было стать незаменимым. Или, как минимум, научиться быть невидимкой. Даже с системой в глазах, которая могла выдать меня с головой.

В ту ночь я спал плохо. Мне снились белые плащи и тихий, методичный звон колокольчиков, доносящийся из темноты за стенами.

Тревогу подняли глубокой ночью. Не звуком рога или колокола — резким, пронзительным визгом сирены, смонтированной Гномаром на самой высокой точке ангара. Звук резал тишину, мгновенно разрывая сон.

Я вскочил с одеяла, ещё не понимая, что происходит. За брезентом — топот ног, приглушённые крики, металлический лязг.

Я выскочил из своего угла. Ангар был пуст — Гномар уже ушёл. Я рванул к выходу, на ходу натягивая плащ и хватая свой тесак.

Снаружи царил контролируемый хаос. Люди бежали к стенам, не толкаясь, но быстро. В руках у них было оружие — те же алебарды, луки, факелы. Женщины и подростки спешно загоняли в укрытия тех, кто не мог драться. Воздух пах дымом, потом и чем-то острым, звериным.

Я бросился к восточной стене, откуда доносился самый сильный шум. Уже на подходе услышал первые звуки боя — не крики, а короткие, резкие выкрики команд, лязг металла, и... рычание. Низкое, хриплое, нечеловеческое.

Я вскарабкался по лестнице на импровизированную галерею за частоколом. То, что я увидел, на мгновение парализовало.

По расчищенной полосе перед стеной металась твари. Не Сквернолюды. Что-то другое. Четвероногое, размером с крупную собаку, но мускулистое, с короткой щетинистой шерстью и длинными, изогнутыми когтями. Их морды были лишены глаз, только разинутые пасти, полные игловидных зубов. Они двигались рывками, неестественно быстро, словно их дёргали за ниточки.

[Щетинник-прыгун. Уровень: 4. Угроза: высокая. Особенность: прыжок на высоту до 3 метров. Слабость: уязвим при подготовке к прыжку.]

Их было много. Десять. Может, больше. Они пытались прорваться к стене, отскакивали от ударов копий, но некоторые уже цеплялись когтями за брёвна и начинали карабкаться.

Стрелы со свистом прорезали воздух. Не все попадали — твари дёргались, меняли траекторию. Но некоторые падали с глухим стоном. Одна вцепилась в частокол прямо передо мной. Я увидел её вблизи. Слюна, смешанная с чем-то едким, стекала по дереву, шипя. Её слепая морда повернулась в мою сторону, почуяла добычу. Она издала хриплый визг и рванулась вверх.

Рука с копьём рядом со мной резко дёрнулась вперёд. Острый наконечник вонзился твари в шею, чуть ниже черепа. Она завизжала, забилась и сорвалась вниз. Я обернулся. Это был Коготь, тот самый с лицом в шрамах. Он даже не взглянул на меня.

— Не стой столбом! Подавай стрелы! Или кидай камни!

Я огляделся. Рядом с лучниками стояли корзины с запасными стрелами и груды подбренных камней. Я кинулся к корзине, начал подавать стрелы ближайшему лучнику — подростку лет шестнадцати, с белым от напряжения лицом. Он брал их, не глядя, натягивал тетиву, выпускал. Его руки дрожали.

— Спокойно, — пробормотал я, больше себе, чем ему. — Целься в момент перед прыжком. Они замирают.

Подросток кивнул, сглотнул. Следующий выстрел был точнее — стрела вонзилась в грудь прыгуна, который готовился к броску. Тварь свалилась.

Бой шумел вокруг. Я видел, как один из стражников слишком сильно высунулся, чтобы ударить, и прыгун вцепился ему в руку. Мужчина закричал — коротко, сдавленно. Его тут же оттащили вниз, в безопасность. Крики боли теперь доносились уже из-за стены.

Я подавал стрелы, кидал камни в мелькающие внизу тени. В голове горел «Взгляд», подсвечивая цели, но в этой суматохе было некогда анализировать. Нужно было действовать. Автоматом.

Внезапно с другой стороны стены раздался оглушительный рёв — не визг, а именно рёв, полный ярости и боли. И сразу же — крик команды Лиры:

— Огонь по большой!

Я бросился к тому участку. Там, в свете факелов, билось нечто крупнее. Массивный, медлительный зверь, похожий на кабана, но с каменными наростами на спине и парой длинных, костяных клыков. Он таранил стену, и брёвна тресали.

[Каменный вепрь. Уровень: 7. Угроза: очень высокая. Слабость: глаза, пах.]

Лира и ещё несколько лучников осыпали его стрелами, но большинство отскакивало от каменной брони. Вепрь ревел, брыкался, задевая прыгунов, которые метались рядом.

И тут я увидел, как Гномар, стоя на возвышении у ворот, кричит что-то своим помощникам. Те подкатили странное устройство на колёсах — что-то вроде баллисты, но меньшего размера. Гномар сам наводил его, крутя маховик.

Раздался сухой, громкий щелчок, и короткое, толстое копье-болт с свистом вонзилось вепрю в плечо, там, где броня была тоньше. Чудовище взревело, затрясло головой, но не упало. Оно развернулось и с новой яростью бросилось на ворота.

Удар сотряс всю конструкцию. Я едва устоял на ногах. Гномар уже заряжал баллисту снова, его лицо было искажено яростью и концентрацией.

Второй болт ударил вепрю в основание шеи. На этот раз чудовище осело, захрипело, из пасти хлынула тёмная кровь. Его ноги подкосились. Оно рухнуло на землю, увлекая за собой пару прыгунов.

С потерей лидера атака потеряла силу. Прыгуны, словно лишённые команды, начали отскакивать в лес, исчезая в темноте. Последние стрелы проводили их.

Тишина наступила не сразу. Сначала были стоны раненого стражника, которого уносили. Потом — тяжёлое дыхание защитников на стенах. Потом — приказные голоса, отдающие распоряжения: проверить укрепления, подсчитать потери, собрать стрелы.

Я стоял, прислонившись к частоколу, и чувствовал, как трясутся колени. Руки были в грязи и чужой крови. Я не убил никого. Но я помогал. Я был частью обороны. И это было важно.

Внизу, у ворот, возились с телом вепря. Гномар уже отдавал приказы по его разделке — мясо, шкура, клыки. Всё будет использовано. Ничто не пропадёт.

Ко мне подошёл Коготь. Он вытирал свой нож о штанину.

— Неплохо, новичок. Не сдрейфил. Для первого раза — сойдёт.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Это была высшая похвала.

Я спустился со стены. Меня обгоняли люди с вёдрами воды и тряпками — мыть кровь и заливать кислотные ожоги от слюны прыгунов. Всё делалось быстро, молча, методично.

Вернувшись в ангар, я увидел Гномара. Он уже сидел за верстаком, разбирая механизм своей баллисты. На лбу у него выступал пот, руки были чёрными от пороховой гари.

— Жив? — бросил он, не глядя.

— Жив.

— Ну и хорошо. Завтра работаем вдвое. Стены нужно укреплять. И тебе нужно будет делать наконечники для стрел. Простые, но много. Учишься.

Я кивнул, прошёл к своему углу. Сел на одеяло. Адреналин постепенно уходил, оставляя после себя пустоту и усталость. Но также — странное чувство.

«Взгляд» выдал уведомление.

[Участие в обороне поселения зафиксировано.]

[Навык «Стрессоустойчивость» получен.]

[Отношения с «Последний Приют» улучшены (Принят -> Признан).]

[Получен небольшой опыт.]

Никаких громких титулов. Никаких резких скачков уровня. Только констатация факта: я выстоял. Я был полезен в бою. Не как герой, а как винтик в механизме обороны.

Я лёг, уставившись в тёмный потолок ангара. Снаружи доносились звуки уборки. Крик раненого стих. Его, наверное, уже перевязывали.

Сегодня меня не убили. Сегодня я помог не убить других. В этом мире такие дни считались хорошими. И я начал понимать эту простую, жестокую арифметику.

Цена места под этой крышей была не только в работе. Она была в крови. В готовности встать на стену, когда придёт беда. И сегодня я эту цену заплатил. Маленькую часть. Но заплатил.

И это значило, что завтра я проснусь здесь. Снова.

ГЛАВА 6. РЕШЕНИЕ

Следующие дни прошли в ритме кузнечного молота: работа, сон, простая еда. Но что-то внутри сдвинулось. После ночной атаки я перестал быть просто странным новичком. Теперь я был тем, кто стоял на стене. Этого хватило, чтобы на меня перестали смотреть как на угрозу. Но этого оказалось мало, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Особенно после разговора у костра с Лирой. Мысль об «Очистителях» висела в воздухе, как лезвие на тонкой нити. Моё единственное преимущество — «Взгляд» — стало самым опасным клеймом. Нужно было научиться защищаться без него. Или сделать так, чтобы потребность в нём была минимальной.

Однажды утром, когда Гномар ушёл на Совет мастеров, я подошёл к Лире. Она чистила лук у своего навеса, её движения были точными, почти ритуальными.

— Научи меня.

Она не подняла головы, продолжая водить тряпкой, пропитанной маслом, по древку.

— Учить нечему. Или выживешь, или нет. Всё.

— Научи меня не умирать в первую же секунду драки. Я не про фехтование. Я про то, как убить того, кто сильнее тебя.

Она наконец подняла глаза. Взгляд был холодным, оценивающим.

— Зачем? Гномар держит тебя в кузне. Там безопасно.

— Нигде не безопасно. И я видел, как ты смотришь на лес. Ты ждёшь, что они придут. «Очистители». Если они придут, кузня меня не спасёт.

Она отложила лук, встала. Осмотрела меня с ног до головы, как осматривают лошадь или инструмент.

— Ладно. Но это не будет красиво. Я не учу драться. Я учу выживать. Разница огромная. Первый урок: нет таких понятий, как «честно» и «нечестно». Есть «живой» и «мёртвый». Понял?

— Понял.

— Тогда пошли.

Мы вышли на небольшой пустырь за ангаром, где тренировалась молодёжь Приюта. Лира не стала показывать мне стоек или блоков. Она встала передо мной.

— Я сейчас сделаю шаг и ударю тебя. Не уклоняйся. Не блокируй. Просто прими удар и запомни, куда и с какой силой он придёт.

Кивнул, напрягся. Она сделала короткий шаг вперёд, и её кулак молнией ударил мне в солнечное сплетение. Воздух вырвался из лёгких со свистом. Я согнулся, захрипел, мир поплыл перед глазами.

— Запомнил? — её голос прозвучал где-то сверху. — Это точка. Удар туда — и противник выключен. Теперь встань.

С трудом выпрямился, всё ещё не мог вдохнуть полной грудью.

— Второй урок. Если противник сильнее и быстрее — не встречай его силу. Отведи её. Смотри.

Она сделала вид, что бьёт меня снова, но в последний момент её рука изменила траекторию и лёгким, но точным движением отвела мою попытку заблокировать в сторону. Я потерял равновесие и рухнул на колено.

— Ты пытался сопротивляться. Не надо. Направь силу мимо себя. Используй его же импульс. Теперь встань. Дальше.

Так продолжалось два часа. Она била меня, бросала, показывала, как падать, чтобы не сломать ничего, как использовать вес тела в толчке, как бить не кулаком, а основанием ладони

в горло, в пах, в глаза. Это был не спорт. Это был свод правил для уличной драки, доведённый до абсолюта и лишённый всякой этики.

К концу я был покрыт синяками, гудели все мышцы, из носа текла кровь. Стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как во мне что-то меняется. Страх перед болью постепенно притуплялся, сменяясь холодным, расчётливым принятием. Боль — это информация. Следующий раз я буду знать, как её избежать.

Лира вытерла руки о брюки, смотря на меня.

— Неплохо. Для первого раза. Ты не плакал и не сдался. Это уже что-то. Завтра продолжим. Только теперь ты будешь атаковать. А я буду показывать, почему твои удары — говно.

Она развернулась и ушла. Я остался стоять на пустыре, чувствуя, как по телу разливается жар от напряжения и адреналина. «Взгляд» молчал. Эти умения не были системными. Они были глубже. Они вбивались в тело болью и повторением.

Посмотрел на свои руки. Они дрожали, но не от страха. От усталости. Плюнул кровью на землю и побрёл к колодцу умыться.

Первый урок был усвоен. Чтобы выжить в этом мире, нужно было принять его главное правило: здесь нет честного боя. Есть убийство. И я должен был научиться убивать первым.

Ковка моего ножа заняла три дня. Не потому что это был сложный процесс, а потому что Гномар не терпел спешки. Каждый этап — нагрев, удар, отпуск, закалка — был ритуалом. И на каждом этапе он заставлял меня работать.

— Держи щипцы. Не трясись. Ровно. Чувствуй, как металл сопротивляется.

— Бей здесь. Не сильнее. Точнее. Видишь, как волна пошла? Веди её.

— Теперь в масло. Медленно. Считай до пяти. Если передержишь — станет хрупким. Недодержишь — будет гнуться.

Мои руки помнили каждый удар, каждый изгиб раскалённой заготовки. Постепенно из бесформенной пластины начал проявляться клинок. Не длинный и изящный, а короткий, тяжёлый, с широким обухом и прямым, чуть скруглённым к концу лезвием. Универсальный тесак. Инструмент для работы и для боя. Без украшений. Без изысков.

В последний день Гномар выточил из обрезка орехового дерева рукоять. Он дал её мне в руки.

— Подгони под себя. Напильником. Пока не сядет, как влитая.

Сидел у верстака, скрипя напильником, снимая лишнее миллиметр за миллиметром. Рукоять должна была стать продолжением ладони. Когда наконец взял её и сжал, возникло странное чувство — будто эта деревяшка всегда была частью моей руки. Баланс был идеальным: центр тяжести лежал прямо перед гардой, клинок не перевешивал.

Гномар наблюдал, потом кивнул.

— Теперь сборка.

Он насадил рукоять на хвостовик, закрепил медной заклёпкой, которую мы отковали из куска трубы. Потом взял кожаную полоску и начал оплетать рукоять, создавая нескользящее, плотное покрытие. Его толстые пальцы двигались с неожиданной ловкостью.

И вот он был готов. Гномар протянул его мне, держа за лезвие, рукоятью вперёд.

— Твой. Инструмент должен знать хозяина. Имя дашь сам.

Взял нож. Вес был знакомым, желанным. Лезвие матово поблёскивало в свете коптилки. Провёл пальцем по обуху — шершавому, необработанному. Это было оружие. Настоящее. Моё.

— Спасибо.

— Не за что. Это оплата за работу. Простой обмен.

Он отвернулся, собирая инструменты.

— Теперь проверь. Режь, коли, бросай в мишень. Узнай его. Он — твой голос в мире, где слова ничего не стоят. Пусть этот голос будет чётко.

Вышел на пустырь. У стены ангара стоял старый, полустгнивший пень. Подошёл к нему, взвесил нож в руке, замахнулся и ударил. Клинок с глухим стуком вошёл в дерево почти по рукоять. Вытащил его без усилий. Лезвие было острым.

Потом отступил на несколько шагов, развернулся и швырнул нож в пень. Он воткнулся рядом с первым отверстием, но не так глубоко. Нужно было чувствовать бросковый баланс.

Достал его, снова осмотрел. Нож. Мой нож.

«Взгляд» отреагировал наконец.

[Предмет получен: Тесак ручной работы (безымянный).]

[Качество: Хорошее. Материал: углеродистая сталь, орех, кожа.]

[Бонус: «Правая рука» (небольшое повышение точности и урона при использовании в основной руке).]

[Статус: требует присвоения имени для полной идентификации.]

Имя. Гномар сказал, что инструмент должен знать хозяина. Имя определяло суть. Как я буду его использовать? Для рубки веток? Для разделки туш? Для убийства?

Вспомнил своё прошлое. Тестировщик. Тот, кто ищет слабые места. Тот, кто открывает закрытое.

Посмотрел на простой, почти грубый клинок. Он не был красивым. Он был функциональным. Инструментом для решения проблем. Инструментом, который должен был открыть мне путь к выживанию. К возвращению.

Коснулся лезвия.

— «Отмычка».

Клинок будто дрогнул в руке. Или мне показалось. «Взгляд» мигнул.

[Имя присвоено: «Отмычка».]

[Связь с владельцем установлена.]

[Бонус «Правая рука» усилен.]

Снова сжал рукоять. Теперь это был не просто нож. Это был ключ. К выходу из ловушек. К победе над тем, что сильнее. К пониманию правил этого сломанного мира.

Вернулся в ангар. Гномар что-то паял. Он не обернулся.

— Дал имя?

— Да. «Отмычка».

Он хмыкнул — звук, который у него мог означать и одобрение, и насмешку.

— Ну что ж. Значит, будешь не рубить, а вскрывать. Интересный выбор. Теперь иди. Пора спать. Завтра нож будет работать. А не просто висеть на поясе.

Пошёл к своему углу, положил «Отмычку» рядом с собой на одеяло. Рука сама тянулась к рукояти. Закрыл глаза, чувствуя под пальцами шершавую кожу и холод металла.

Первый шаг к силе был сделан. Не магической, не сверхъестественной. Простой, железной, смертоносной. И это было только начало.

Паёк в Приюте был скудным, но стабильным. Однако для дополнительной информации, редких вещей или просто чтобы выслушать старую историю, нужна была иная валюта. Ею чаще всего были еда, табак или выполнение мелких услуг.

Заметил одного старика — его звали Дедал, бывшего охотника, теперь присматривавшего за курятником из каких-то странных, трёхглазых птиц. Он любил поговорить. И у него были проблемы с зубами — жесткое вяленое мясо он жевал с видимой болью.

После одной из тренировок с Лирой взял свою порцию похлёбки и лепёшки и подсел к нему у его курятника. Дедал ковырял в земле палкой, что-то бормоча себе под нос.

— Не желаете поменять? — сказал я, отламывая половину своей лепёшки. — У меня мягкая. У вас, кажется, зуб болит.

Старик поднял на меня хитрые, выцветшие глаза.

— А что тебе надо, новичок? Молвы о старых подвигах?

— Молвы о старых местах. О том, что было до нас.

Он фыркнул, но взял лепёшку. Его пальцы, кривые от артрита, быстро разломали её на мелкие кусочки.

— Места... Все места тут помнят боль. Одни — больше, другие — меньше. О чём именно?

— О «Сердце Бездны».

Рука Дедала замерла на полпути ко рту. Он медленно повернул ко мне голову.

— Кто тебе про это сказал?

— Я слышал обрывки. Легенды.

— Легенды, — повторил он, и его голос стал тише, задумчивее. — Это не легенды, парень. Это предупреждения. Для тех, кто не хочет жить долго.

— Но что это такое?

Дедал отломил кусочек лепёшки, пожевал, поморщился — даже мягкое ему давалось с трудом.

— Место, где мир сломан сильнее всего. Говорят, там можно увидеть корни всего. Понять, почему деревья с металлом, почему земля гудит, почему мы все здесь. А можно и сгинуть навсегда. Не умереть. А именно сгинуть. Будто тебя и не было.

— Где оно?

Старик махнул рукой куда-то на юго-запад, в сторону, противоположную от Старых Труб.

— Далеко. За Мёртвыми Холмами, за Рекой Памяти. В землях, где даже «Очистители» не ходят. Там обитают не твари. Там... стражи. Не из плоти. Из света и тени. И из тишины. Самая страшная тишина, какую только можно представить.

Он замолчал, вглядываясь вдаль, будто видел эти земли перед собой.

— А что в нём? В этом Сердце?

— Кто знает. Ключ? Дверь? Могила?

Он пожал плечами.

— Одни говорят — там источник всей нашей беды. Другие — что там лекарство. Третьи — что там просто дыра в мир, и через неё можно уйти. Но те, кто пытался уйти... не возвращались. Или возвращались не теми.

Он доел лепёшку, вытер руки о колени.

— Зачем тебе это, парень? Жить надоело?

— Напротив. Хочется понять, по каким правилам здесь жить.

Дедал усмехнулся, обнажив дёсны с редкими жёлтыми зубами.

— Правила просты: ешь, когда есть еда. Спи, когда безопасно. Убей, пока тебя не убили. Всё остальное — блажь. А Сердце... это блажь для самоубийц и святых. Ты на кого больше похож?

— Пока не знаю.

— Тогда и не думай о нём. Думай о том, как пережить следующую ночь. Это полезнее.

Он встал, пошлёпал к своим птицам, которые встретили его тихим, булькающим клокотанием. Разговор был окончен.

Сидел на месте, обдумывая услышанное. «Корни всего». «Дверь». «Стражи из света и тени».

«Взгляд» в этот раз не выдал никаких уведомлений, никаких квестов. Но в глубине интерфейса, в самом низу списка задач, появилась новая, едва заметная строчка. Она не светилась. Она просто была.

[Скрытый интерес: «Сердце Бездны».]

[Мотивация: Возвращение? Исследование? Выживание?]

[Статус: Информация собрана (недостаточно).]

Это не было заданием от системы. Это был мой собственный, внутренний вопрос. Может, даже надежда. Если там дверь... может, она ведёт обратно? Или, наоборот, дальше, в ещё больший кошмар?

Встал, отряхнулся. Дедал был прав — сегодня нужно было думать о том, как пережить следующую ночь. Но теперь у меня была и долгосрочная цель. Призрачная, опасная, почти безумная. Но цель.

И это было лучше, чем просто выживать от рассвета до заката. Это давало направление. А в мире, где всё было хаосом, направление было дороже еды.

Посмотрел на юго-запад, туда, куда махнул рукой старик. Там, за горизонтом, было Сердце. И теперь я знал, что когда-нибудь, если выживу достаточно долго, я пойду к нему. Чтобы найти ответ. Или найти конец.

Оба варианта были лучше, чем вечное заточение в этих стенах.

Сидел на самой высокой точке Приюта — на крыше ангара Гномара, куда вёл почти незаметный трап. Отсюда был виден весь Последний Приют: кривые крыши, дымящие трубы, патрули на стенах. И дальше — стена леса, вечного, гудевшего, непроницаемого. И где-то там, в его глубине, за Мёртвыми Холмами — Сердце.

У меня теперь было всё, чтобы остаться. Кров. Работа. Еда. Даже подобие уважения — или, по крайней мере, прекращение открытой вражды. Я мог встроиться в эту жизнь. Стать ещё одним мастеровым у Гномара. Через год, может, получить свою лачугу. Найти женщину. Родить детей, которые будут знать только эти стены и этот гул. Умереть здесь же, от когтей твари или от старости, так и не узнав, что лежало за горизонтом.

Это был соблазн. Тихий, тёплый, безопасный. После недель бега, страха и боли он манил, как наркотик.

Открыл «Взгляд». Скудные цифры моего прогресса.

[Уровень: 3.]

[HP: 42/42.]

[STA: 28/28.]

[Навыки: Клинковое бой (4), Скрытность (2), Выживание (4), Наблюдательность (3), Обращение с материалами (2), Стрессоустойчивость (1).]

Три уровня. Смехотворно мало для того, кто задумывал идти к легендарному артефакту в самые опасные земли. Я был слаб. Опытен в выживании, но слаб.

Но я также знал то, чего не знали они. Я знал логику систем. Я видел паттерны. Я умел находить слабые места. И у меня был «Взгляд» — сломанный, но работающий инструмент, который мог дать мне преимущество, которого не было у аборигенов этого мира.

Смотрел на лес и думал о Гномаре. Он ненавидел «систему», но уважал практические навыки. Он принял бы мой уход как глупость, но, возможно, в глубине души понял бы. Прагматик поймёт прагматика. Я не хотел уходить в никуда. Я хотел идти к цели. Самой большой цели, какую только можно было найти в этом мире.

О Лире я думал иначе. Она выживальщица. Для неё дом — там, где можно спрятаться на ночь. Она не поймёт стремления к какой-то мифической двери. Она увидит в этом самоубийство. Но она также уважала силу и решимость. Если я стану достаточно сильным, чтобы выжить в пути, она, возможно, просто пожмёт плечами. Или попытается остановить. Я ещё не знал.

Сердце Бездны. Оно было не просто артефактом. Это был вызов. Самый сложный, самый смертельный квест, который только можно было вообразить. И я был игроком, застрявшим в игре без выхода. Прохождение такого квеста — это было единственное, что имело смысл. Не выживание ради выживания. Выживание ради цели. Ради шанса всё изменить.

Ветер дул с леса, неся тот знакомый металлический привкус. Глубоко вдохнул. Решение созревало во мне уже несколько дней, но сейчас оно оформилось в твёрдый, холодный ком.

Я не останусь.

Я пойду к Сердцу. Не сейчас. Я ещё слаб. Я ещё ничего не знаю о мире за пределами окрестностей Приюта. Мне нужны карты. Нужны знания о землях между нами и целью. Нужны союзники — или, на худой конец, не помеха. И мне нужно стать сильнее. Не на уровень или два. На порядки.

Это означало, что моя жизнь в Приюте менялась. Теперь каждый день, каждая работа, каждая тренировка — всё это было не просто для того, чтобы заслужить паёк. Это была подготовка. Целенаправленная, методичная прокачка перед решающим данжем.

Спустился с крыши. В ангаре Гномар что-то паял. Подошёл к своей куче отсортированного лома и начал работать с удвоенной яростью. Каждый удар молота теперь был не просто работой. Это был шаг. Каждая изученная деталь старой техники — кусочек пазла. Каждая тренировка с Лирой — урок, который может спасти жизнь в будущем.

Гномар бросил на меня взгляд, заметил новую сосредоточенность. Он ничего не сказал. Но, кажется, понял. В его мире тоже были те, кто не мог усидеть на месте. Кого звало что-то за горизонтом. Идиоты. Но идиоты, которых он иногда уважал.

Вечером, когда мыл руки у ведра, «Взгляд» выдал тихое, почти личное уведомление.

[Личная цель установлена: «Сердце Бездны».]

[Рекомендация: комплексная подготовка. Сбор информации. Усиление боевого потенциала. Поиск союзников.]

[Статус: Активно. Срок: не определён.]

Он был со мной. Система. Мой проводник и проклятие. Она видела моё намерение и принимала его как новую миссию.

Лёг спать, положив руку на рукоять «Отмычки». Страх не было. Была холодная, железная решимость. Я выбрал путь. Самый сложный из возможных. Теперь мне предстояло по нему идти.

И первый шаг начинался завтра. С рассвета.

ГЛАВА 7. ПОДГОТОВКА

Следующий день перевернул все не снаружи, а внутри. Просыпаюсь с незнакомым до этого чувством — теперь нужно не просто пережить сутки, а выполнить план. Четкий список. Выпрашиваю у Гномара клочок относительно чистого пергамента и обугленную палочку. Вывожу заголовок: «Челлендж-лист».

1. Скрытность. Дойти до ручья и обратно, оставаясь невидимым для патруля Лиры. Договорился со стражником, пусть отмечает, заметит ли.

2. Выживание. Найти, определить, приготовить три новых вида растений или грибов. Главное — не отравиться.

3. Анализ угроз. Наблюдать за патрулями Сквернолюдов у Старых Труб с южного склона. Выявить новую слабость или паттерн.

4. Клиновый бой. Провести три спарринга с Когтем. Хотя бы раз коснуться его оружия. Он согласился за двойную порцию табака.

5. Первая помощь. Разобрать содержимое аптечки Гномара. Запомнить назначение каждого предмета.

Это не абстрактные хотелки, а конкретные, измеримые задачи. Как тест-кейсы из прежней жизни. Только теперь наградой станет не отчет, а право дышать завтра.

Начинаю со скрытности. Вместо обычной тропы к воде выбираю путь через колючие заросли. Двигаюсь медленнее, больше, но «Взгляд» помогает, подсвечивая наименее шумные участки. Ползу, замираю, пропускаю патруль Лиры в двадцати метрах. Она даже не подозревает о моем присутствии. На обратном пути двигаюсь быстрее, увереннее. Возвращаюсь. Стражник у ворот качает головой.

— Не видел. На рассвете шорох был — списал на зверье.

Первая галочка.

Выживание оказалось сложнее. Лес полон странной флоры, а «Взгляд» часто выдает скудные или противоречивые данные. Собираю образцы, несу Дедалу. Старик кряхтит, одобряет или с хмурым видом швыряет прочь.

— Это — можно, но только после трех вымачиваний, иначе кишки выжжет. Это — если совсем припрет, галлюцинации вызовет. А это — чистый яд, им стрелы мажут.

Вожу записи. К вечеру получаю два подтвержденных съедобных вида и один — на крайний случай. Второй пункт закрыт.

Наблюдение за Трубами с южного склона — риск. Территория считается нейтральной, но Приют ее не патрулирует. Полдня трачу, чтобы подобраться и залечь в кустах. Новый ракурс открывает деталь, невидимую с гребня: у основания большой арки зияет не просто тень, а глубокий провал, заваленный обломками. Оттуда периодически выходит Сквернолюд другого типа — тощий, с длинными руками, несет что-то блестящее. Относит вглубь развалин.

[Сквернолюд-собирающий. Уровень: 2. Угроза: низкая. Примечание: собирает металлолом и блестящие предметы, относит в логово.]

Значит, у них иерархия. Коллективный разум. Им что-то нужно. Не просто еда. Это важная информация.

Спарринг с Когтем выдался самым болезненным. Он не церемонится. Его короткое копье бьет жестко, точно, без предупреждения. Первые два раунда только уворачиваюсь и падаю. На третий раз применяю прием Лиры — ухожу с линии атаки, пытаюсь ударить «Отмычкой» по его руке. Коготь легко отбивает клинок, но замирает на мгновение. В глазах мелькает нечто похожее на уважение.

— Учишься. Уже не полное дерьмо.

Считаю за касание.

Разбор аптечки Гномара напоминает изучение чужой, примитивной операционной системы. Вместо стерильных бинтов — прокипяченные тряпки. Вместо антибиотиков — густая паста из хлебной плесени. Вместо обезболивающего — крепкий самогон и жеванные листья незнакомого растения. Запоминаю названия, запахи, назначение.

К концу дня сижу в своем углу, ставлю галочки напротив всех пяти пунктов. Усталость приятная, мышечная. «Взгляд» периодически сообщает о росте навыков. Не скачками, по чуть-чуть. Но прогресс есть.

Смотрю на список. Завтра составлю новый. Сложнее. Путь к Сердцу не прощает слабости. Я больше не слаб. Я ученик. А ученик должен превзойти учителя. Иначе — смерть. Выбрал жить. Идти вперед.

Доверие в Приюте не дают словами. Его зарабатывают действиями. Поступками, которые другие видят, оценивают, кладут на чашу весов, решая — свой ты или чужой.

Мои «челлендж-листы» дали не только рост умений. Они начали менять взгляды окружающих.

Лира замечает, что стал тише и предсказуемее в поле. Больше не оборачивается каждые пять минут, проверяя, не отстал ли. Ее команды становятся короче, без раздражения.

— Сандер, фланг.

— Сандер, следы.

Начинает использовать имя. Не «новичок», не «эй». Знак.

Однажды, возвращаясь с разведки у Просеки, она останавливается на развилке.

— Веди сам, — говорит неожиданно. — До ручья. Я замыкаю.

Тест посерьезнее. Ведение группы — ответственность за маршрут, выбор точек перехода, безопасность всех. Киваю, сглатываю, двигаюсь вперед. «Взгляд» помогает, подсвечивая не только следы тварей, но и старые, почти стертые метки на деревьях — знаки, которые уже начал изучать. Выбираю не кратчайший, а самый скрытный путь, обходя участок с мягким, предательским грунтом. Выходим к воде без происшествий. Лира, подойдя к ручью, просто кивает.

— Неплохо. Зыбуну заметил.

Высшая похвала.

С Гномаром доверие измеряется иначе. Он начинает поручать не простую сортировку, а ответственную работу. Закалку мелких деталей. Подгонку шестеренок по шаблону. Однажды швыряет мне связку ключей.

— Открой третий склад. Тащи ящик с маркировкой «ДВС-4». Не перепутай.

Третий склад — бункер за пределами ангара, охраняемый тяжелым замком. Ключ подходит. Внутри пахнет пылью, маслом и старым железом. Нахожу нужный ящик, аккуратно выкапываю на тележке, привожу. Гномар проверяет содержимое — старые, но целые топливные насосы. Хмыкает.

— Жив еще. Ладно. Теперь разбери один. Аккуратно. Нужны пружины и клапаны.

Доверяет инструменты. Доверяет доступ к ресурсам. Это дороже любых слов.

Даже Коготь, вечно хмурый, после спарринга бросает мне свой точильный брусок.

— На, поточи свое шило. А то режет только масло.

Почти дружеский жест.

Настоящее испытание приходит с неожиданной стороны.

Вечером, возвращаясь с тренировки, слышу оклик. Член Совета — пожилая, суровая женщина по имени Вальда, отвечает за продовольствие. Смотрит испытующе.

— Говорят, считать и запоминать умеешь.

— В какой-то мере, — отвечаю осторожно.

— Идем.

Ведет в продовольственный склад — темное, прохладное помещение с полками, заставленными мешками, банками, связками сушеных корней. Запах густой, сложный: специи, земля, лук, тление.

— Вот инвентарь за прошлый месяц, — тычет пальцем в исписанную цифрами таблицу на грубом листе. — А вот что по факту. Где-то ошибка. Найди. Или воровство. Найди и его.

Ловушка. Или тест. Или сразу оба. Найду ошибку — возможно, выгорю вора, наживу врага. Не найду — буду виноват. Солгу — раскусят.

Вздыхаю, беру таблицу, сажусь на ящик. Цифры плывут перед глазами. Но это система. Учет. А в системах я разбираюсь.

Сравниваю приход, расход, остатки. Ищу нестыковки. «Взгляд» помогает, выделяя аномалии в столбцах. Через час нахожу причину. Не воровство. Ошибка. В учете партии сушеных грибов. Кто-то перепутал меру веса — взял старую, более легкую, вместо «приютского» фунта. Из-за этого не сходится около пяти процентов запаса.

Показываю Вальде. Она долго смотрит на мои вычисления, потом на меня. Лицо не выражает ничего.

— Кто ошибся?

— Не знаю. Но система учета хромает. Нет единого стандарта. Нет перекрестной проверки.

— Предложи решение.

Замираю на мгновение. Опираясь на опыт тестирования, выдаю простейшую схему: два независимых учетчика, проверка весов перед зачетом, элементарный чек-лист.

Вальда выслушивает, кивает.

— Ладно. С завтрашнего дня помогаешь на учете два часа в день. После работы у Гномара. Внедрил твою «систему». Посмотрим.

Уходит, оставив меня в полутьме склада. Это не просто доверие. Это введение в систему управления Приютом. Проверяют на лояльность, ум, пользу.

Выхожу на улицу. Уже темно. Иду к ангару, чувствую, как вокруг плетется сеть. Из нитей работы, общих угроз, мелких услуг и проверок. Становлюсь частью этого места. Это хорошо. И страшно.

Чем крепче нити, тем больнее рвать, когда придет время уходить. А оно обязательно наступит. Выбрал путь к Сердцу. Доверие, которое зарабатываю сейчас, однажды придется предать. Ради цели, что важнее.

Мысль оставляет во рту горький привкус. Сглатываю его. Иду дальше. Делаю следующий шаг в подготовке к долгой, смертельной дороге.

Информация — валюта. Карта — самый ценный ее номинал. У Гномара свои схемы, у Лир — кожанка с маршрутами. Мне нужна собственная. Объединенная, детализированная, с пометками, понятными только мне.

Начинаю с малого — с пергамента, выданного Вальдой за помощь в учете. Схематично изображаю известное: Приют, ручей, Просеку Молчания, Старые Трубы, Черные Холмы (куда, по словам Дедала, никто не ходит). Капля в море.

Собираю данные по крупницам. Каждый разговор у костра, реплика вернувшихся патрульных, жалоба на «странные шумы» в определенном секторе — все ложится на карту условными значками и короткими записями.

Использую «Взгляд» для зарисовки ориентиров, но система плохо справляется с картографией. Работа ручная. Начинаю проситься в разные патрули — не только с Лирой. С теми, кто ходит на север, к Реке Памяти (широкий, медленный поток ржавой воды). С теми, кто проверяет ловушки на востоке, у подножия Мертвых Холмов.

Каждый выход — риск. Но он оправдан. Карта растет. Появляются зоны, отмеченные красным: «стая щетинников, активность ночная», «участки с ядовитыми спорами (желтый туман)», «зона магнитных аномалий (стрелка сходит с ума)».

Отдельно веду записи об угрозах не природных. «След Очистителей (протектор)» — с координатами у Просеки. И слухи, слухи... «Караван «Стальных Когтей» видели в трех днях к югу. Торгуют оружием, берут рабов». «Бродячий торговец с юга говорил о «пляшущих огнях» в болотах на западе — возможно, еще одни «провалившиеся», или хуже».

Самые опасные пометки зашифровываю, используя старые, полузабытые обозначения из IT-документации. «Баг-зона» вместо «аномалия». «Сервер с глюками» вместо «место с искаженной реальностью». «Кракен» вместо «неизвестная угроза высокого уровня». Личный глоссарий. Даже найди кто — не поймут.

Однажды вечером Гномар, проходя мимо, видит, как склонился над набросками при свете масляной лампы. Останавливается, смотрит через плечо. Молчит.

— Охват неплохой, — бурчит наконец. — Но масштаб кривой. И где рельеф? Где высоты?

— Не умею их рисовать, — признаюсь честно.

— Завтра покажу. Старый метод. По теням и углам. — Тычет пальцем в пустое место к юго-западу от Холмов. — А здесь что? Пусто?

— По слухам — болота. «Пляшущие огни».

Гномар хмурится, борода дергается.

— Забудь про эти огни. Если это они — лучше с Сквернолюдьми договориться, чем туда соваться.

— Кто «они»?

— Те, кого лучше не злить. Духи мест. Или что-то вроде. Не наша территория. Помечай как «запретная зона. причина: слухи о неразумной угрозе». И обводи жирно.

Уходит. Делаю пометку, но внутри екает. «Неразумная угроза» — хуже просто сильного врага. Нечто, с чем нельзя договориться, понять, предсказать.

Главная цель — Сердце Бездны — на карте пока лишь надпись на краю, за пределами всех известных ориентиров. Путь к нему лежит через все красные зоны, запретные территории, «неразумные угрозы». Выглядит как маршрут самоубийцы.

Но не отчаиваюсь. Разбиваю путь на отрезки. Первый этап: добраться до южного склона Мертвых Холмов. Для этого нужно пройти мимо территории «Стальных Когтей» и через участок леса, где, по словам старого траппера, «деревья иногда следят». Для каждого отрезка составляю чек-лист: необходимое снаряжение, навыки, возможные угрозы и пути обхода.

Карта перестает быть просто схемой. Становится планом. Дорожной картой личного, безумного квеста. Каждый новый значок, каждая линия приближают к пониманию масштаба задачи. И к осознанию — в одиночку не вытянуть.

Нужны союзники. Люди, согласные идти в эту авантюру. Пока круг потенциальных кандидатов крайне узок: угрюмый инженер, циничная выживальщица и, возможно, пара таких же отчаянных головорезов, как Коготь. И всех нужно как-то убедить.

Сворачиваю карту, прячу в потайной карман, сшитый в подкладке плаща. Мой самый большой секрет. Самый опасный актив. Найди ее — вопросы будут крайне неприятными.

Но рисковать приходится. Без карты — слепой. А слепые здесь долго не живут. Особенно те, кто собирается идти в самое сердце тьмы.

Слухи о повышенной активности в восточном секторе подтверждаются. Не патруль, а целая группа собирателей отправляется к зарослям горького корня — растения, чьи клубни после вымачивания дают питательную, хоть и противную муку. Со мной по просьбе Гномара.

Задача двойная: помочь в заготовке и, по возможности, разведать источник «шумов», которые фиксировали стражники.

Шесть человек двигаются быстро, без лишних слов. Погода стоит странная — низкие, свинцовые тучи, но без дождя, воздух наэлектризованный, волосы на руках встают дыбом. Лес встречает напряженной, гнетущей тишиной. Даже вечный гул стихает, словно затаившись.

Выходим на поляну, густо поросшую высокими стеблями с сизыми листьями. Работа закипает: двое с копьями встают в охранение, остальные, включая меня, начинают выкапывать корни тяжелыми заступами. Земля твердая, каменистая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.